

18+

КИНЖАЛ КЛЕОПАТРЫ

КЭРОЛ ЛОУРЕНС

Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези

Кэрол Лоуренс

Кинжал Клеопатры

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лоуренс К.

Кинжал Клеопатры / К. Лоуренс — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези)

ISBN 978-5-04-197648-4

Нью-Йорк, 1880 год. Элизабет ван ден Брук — единственная женщина-репортер в самой популярной газете города. Однажды вместе со своей подругой она находит мертвое тело, завернутое в ткани наподобие египетских мумий. Это мрачное открытие заставляет Элизабет начать расследование, посвященное страшным тайнам Нью-Йорка. Преступления продолжаются, и количество трупов в виде мумий растет. Элизабет становится автором сенсации, которая повлекла за собой нечто более зловещее, чем она могла себе представить. Ее репортажи завораживают читателей, и каждая новая догадка обличает богатых и влиятельных граждан Нью-Йорка. Тем временем серийный убийца следит за каждым заголовком ее статей и начинает преследовать девушку. Если хочешь громогласного успеха, возможно, придется заплатить за него ценой своей жизни...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-197648-4

© Лоуренс К., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	47
Глава 12	54
Глава 13	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кэрол Лоуренс

Кинжал Клеопатры

*Посвящается Кайли Айзек – самой потрясающей племяннице,
остроумной и удивительно одаренной молодой девушке*

*Вы ждали, вы всегда ждете – молчаливые и прекрасные
посланники.*

Уолт Уитмен «Бруклинский паром»

Carole Lawrence
Cleopatra's Dagger

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text copyright © 2022 by Carole Bugge

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Белякова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

Нью-Йорк, 1880 год

Ох, они мягкие, такие мягкие... и такие красивые – упругие, как капли дождя, их тела округлые, а кожа белая, как фарфор.

Но он знал, что они были сущим злом – Иезавель, Саломея и Далила, каждая из них. Они привлекали мужчин сладостным пением сирен, заманивая их в ловушку порочными способами: либо утаивали от путников свои намерения, либо позволяли им вкусить райского блаженства, убаюкивая своих жертв до забвения, пока не становилось слишком поздно. Они были подобны паукам, а мужчины были всего лишь несчастными насекомыми, тщетно пытающимися выбраться из их сладкой, липкой паутины. Их красота была самым коварным оружием в арсенале ловушек, предназначенных для заманивая в сети и контролирования податливой добычи.

Он задумчиво поглаживал белоснежный мех Клео – его любимой кошки персидской породы, пока смотрел в окно на туманный вечер позднего лета. Она замурлыкала и потянулась от его прикосновения, выгнув свой гибкий позвоночник и задрожав от удовольствия.

– Ах, Клео, – сказал он, – ты ведь никогда не предашь меня, правда?

Она посмотрела на него широко раскрытыми голубыми глазами, дергая кончиком хвоста.

Небо снаружи потемнело, когда над городским пейзажем проплыло густое серое облако. Порыв ветра расшевелил листья на дереве, стоящем рядом с окном; те затрепетали, а затем замерли. Они напоминали ему муху, попавшую в паутину, из последних сил сопротивляющуюся неминуемой судьбе. Сделав глубокий вдох, он почувствовал, как воздух проникает в легкие, наполняя его тело энергией. Он поклялся никогда не оказываться на месте этих мух – ни в роли жертвы, ни в роли объекта охоты.

Вместо этого он станет охотником.

Глава 1

Элизабет ван ден Брук выбежала из своего многоквартирного дома, расположенного на 18-й Ист-стрит, в такой спешке, что успела пробежать целый квартал, прежде чем тяжелая входная дверь закрылась за ней. Было почти восемь часов, и она вновь проспала. Прошло меньше недели с тех пор, как она поселилась в Стайвесанте, отчего почти каждую ночь не спала, распаковывая и раскладывая вещи. Девушке повезло, что ей удалось снять комнату в этом здании – первом в своем роде в Нью-Йорке. Его построили десять лет назад, в 1870 году, и он стал первым в городе жилым комплексом во французском стиле, который ранее состоял только из многоквартирных домов и таунхаусов. У района Стайвесант была отличная репутация, поэтому заботящаяся о своем статусе мать Элизабет потянула за определенные ниточки, чтобы снять для нее там квартиру.

Порыв ветра подхватил шляпу Элизабет и едва не сорвал ее с головы. Свободной рукой она прижала ее обратно, другой сжимая свой драгоценный портфель. Мама всегда упрекала ее за то, что она использовала мало шпилек для прически на своих каштановых волосах. Те были густыми, грубыми и с непослушными кудрями, с которыми часто было трудно справиться. На этот раз она с грустью поняла, что мама была права. Придерживая шляпу на голове, она неуклюже побежала, повернув на Ирвинг Плейс ко входу железнодорожной станции на Третьей авеню, с которой доберется на поезде до работы в издательстве «Нью-Йорк геральд».

Будучи единственной женщиной-репортером газеты, Элизабет отчаянно хотела произвести хорошее впечатление. Подходя ко входу железнодорожной станции, она на секунду задумалась о том, чтобы вызвать кеб, но пришла к выводу, что в это время даже самые быстрые лошади, вероятней всего, будут двигаться медленно. А трамваи, как известно, часто застревали в пробке. Нет, подумала она, пусть поезд шумный, грязный и вонючий, но ей лучше воспользоваться транспортом высоко над землей в печально известный час пик.

На 14-й улице уже кипела жизнь. В этот час город был наполнен движением. Пешеходы боролись с кебами, повозками, каретами и гужевыми трамваями, проходящими по западно-восточному маршруту. Маленькие мальчики с неподдельной смелостью бросались прямо перед встречными машинами, пока их матери выкрикивали слова предостережения своим безрассудным отпрыскам. Собаки лаяли. Лошади скакали рысью. Родители кричали на своих детей. Хорошо одетые бизнесмены вызывали кебы. Торговцы на тележках предлагали свой товар, используя множество лестных фраз. Городские власти неодобрительно относились к уличным торговцам из-за чрезмерного уровня шума в городе, поэтому они, как правило, собирались

возле определенных железнодорожных станций и паромных портов. Станция на 14-й улице была золотой жилой для продавцов, поскольку в час пик через нее проходили тысячи потенциальных клиентов. Продавцы устриц соревновались за внимание прохожих с торговцами старья, кукурузы и другими торгашами.

– Устри-т-цы! Дорогуша, попробуй свежие устри-т-цы!

– Ветошь, шмотки, старые тряпки! Старье! Старое тряпье! Любо-о-е тряпье на ваш выбор!

Тонкий женский голос перебивал более низкие мужские голоса:

– Горячая кукуруза, горячая кукуруза, такая горячая! Только что достали из кипящего котла!

Девочка с чумазым лицом, продававшая кукурузу, была юной – слишком юной, подумала Элизабет. Ей было не больше десяти лет. Несмотря на то что Элизабет опаздывала, она вложила в грязную руку девочки монету в пять центов. Откинув в сторону прядь запутанных волос, ребенок в замешательстве уставился на нее.

– Две кукурузы стоят один цент, мисс.

– Я возьму одну.

– Но, мисс...

– Сдачу оставь себе.

Глаза девочки округлились от удивления, когда она протянула Элизабет початок жареной кукурузы в мохнатом зеленом колосе.

– Спасибо, – произнесла Элизабет. Она знала, что лучше не давать девочке больше – любые лишние деньги в любом случае окажутся в кармане ее «куратора». Девочки, продающие горячую кукурузу, отличались от проституток только тем, что были моложе и (надеюсь) не сексуально доступны. В остальном их жизни были похожи – они находились в рабстве у мужа или сутенера, столь отчаявшегося и бедного, что не приходилось надеяться на лучшую жизнь.

Осторожно переступая через кучи конского навоза, Элизабет пробиралась сквозь толпу к железнодорожной станции «Третья авеню». Перед входом выстроилось несколько экипажей, извозчики были одеты в длинные темные пальто и цилиндры. Управлять экипажем – запряженной резвой лошастью, принадлежавшей породе, выведенной специально для подобной работы, было тяжело и зябко. Особенно в плохую погоду. Конные повозки, безусловно, были самым популярным видом транспорта, поскольку требовалось, чтобы кучер сидел снаружи, подвергаясь воздействию непогоды, в то время как его пассажиры наслаждались комфортом и уютом внутри несколько тесного салона. Элизабет взглянула на небо – солнце уже скрылось за грозовыми тучами. День был теплый, но вскоре извозчикам придется укутаться в их длинные пальто, если хмурые грозовые тучи принесут ливень, который предвещают.

Проходя мимо извозчиков, она слышала, как те рекламировали свои услуги хриплым голосом, огрубевшим от непогоды и выпивки.

– Кеб, кеб, кеб!¹

Один из них поймал взгляд Элизабет и приподнял цилиндр, широко улыбаясь. Его зубы были цвета переваренной печенки, с серыми пятнами, вероятно, из-за многолетнего курения дешевых сигарет. Он носил потрепанные матерчатые перчатки с отрезанными пальцами, чтобы было легче давать сдачу, когда клиенты оплачивали проезд.

– Кеб, мисс? – сказал он, слегка поклонившись. Выговор не оставлял сомнений в его происхождении из рабочего класса. Нью-Йорку нравилось позиционировать себя как город возможностей, но было достаточно провести в нем один день, чтобы понять, что это все вымысел.

– В другой раз, спасибо, – ответила она, отводя взгляд. Мама постоянно предупреждала ее, чтобы она «вела себя как леди», а леди было не положено отвечать на взгляды незнако-

¹ В XIX веке в Америке так называли наемные экипажи.

мых мужчин, даже если те пытались ей что-то продать. Она, разумеется, не пялилась на них – хотя Элизабет, одержимая ненасытным любопытством, часто пренебрегала этим правилом, особенно когда ее матери не было рядом, чтобы сделать ей замечание. Теперь же, будучи журналисткой, Элизабет считала своей обязанностью следовать своему любопытству, куда бы оно ее ни привело. И если это сопрягалось с разглядыванием мужчин, то так тому и быть.

Поднимаясь по лестнице на железнодорожную платформу, она тесно прижалась к толпе людей, идущих вместе с ней вверх по ступенькам. Элизабет улыбнулась, подумав, что ее мама предпочла бы, чтобы она взяла кеб – еще одна причина, по которой ей нравилось пользоваться общественным транспортом. Ступив на платформу наряду со своими согражданами, она словно наяву услышала протесты матери: «Это нелепо. Ты же знаешь, твой отец может позволить себе оплатить кеб. Ты просто упрямисься».

Втиснувшись в третий вагон, зажата между сотрудниками юридических контор, офисными служащими и работниками розничной торговли, Элизабет на секунду пожалела, что так упорно сопротивлялась изволению матери. Она затаила дыхание, когда запах чесночной колбасы ударил ей в нос, без сомнения, исходящий от увесистого мужчины слева от нее. Шрамы и царапины на его пальцах указывали на профессию мясника так же безоговорочно, как и аромат говяжьего и бараньего жира, распространяющийся от его мятой куртки. С другой стороны от нее стояла тощая женщина средних лет с исхудавшим лицом, извиваясь, чтобы не задеть коренастого, похотливо пялящегося юнца рядом с ней. Одетый в грубошерстные штаны и поношенную куртку, с загорелым лицом и руками, он был похож на чистильщика обуви или мальчика на побегушках в одном из многочисленных магазинов, расположенных вдоль Нижнего Бродвея. Он попытался поймать взгляд Элизабет, но она отвела глаза, чувствуя его пристальный взгляд на своем затылке. Ее мать пришла бы в ужас от того, что она оказалась в окружении таких отвратительных типов, но Элизабет была полностью уверена в своей способности защитить себя.

Поезд накренился и закачался на узкой эстакаде, выбрасывая в воздух черную сажу и дым, пыхтя как огромный мрачный монстр, пробирающийся мимо многоквартирных домов, магазинов, церквей и борделей. Из вагона открывался вид на третий этаж зданий, когда тот проезжал мимо них. Это, должно быть, удивило жильцов, когда дорога была впервые открыта два года назад. Их частная жизнь внезапно нарушилась – и единственным способом сохранить некое подобие конфиденциальности было закрыть окно, избавляясь от лишнего света и воздуха, ограждая ценное уединение в перенаселенном городе.

И все же Элизабет всегда поражалась тому, как многие люди, казалось, равнодушно относились к любопытным взглядам пассажиров. Как будто они отказывались принять новую реальность своего положения, игнорируя тысячи незнакомцев, заглядывающих в их дома. Возможно, они считали, что проблеск, возникающий из-за быстро движущегося поезда, вряд ли стоит их внимания, а некоторые, в чем она была уверена, испытывали трепет от того, что за ними наблюдали незнакомцы. Анна Бродиген, ее первая соседка по комнате в Вассаре, была такой. Она выставляла свое тело напоказ публике, питаясь вниманием мужчин. Элизабет была ее полной противоположностью, скромной и застенчивой в отношении подобного и смотрела на поступки Анны со смесью отвращения и восхищения.

Когда поезд проезжал мимо Купер-юнион, самой северной точки Бауэри, прежде чем он разделится на Третью и Четвертую авеню, Элизабет заметила пару пьяниц, слонявшихся возле пивного бара «Максорлис». В этом не было ничего необычного, даже в такой час, размышляла она, пока поезд продолжал свой путь на юг по улице Бауэри, которая чаще всего ассоциировалась с порочными, деградировавшими и гнусными людьми. На авеню располагалось огромное

количество салунов², таверн (лицензированных и нелицензированных), ночлежек, борделей и азартных заведений. Она было центром развлечений для самых бедных граждан Нью-Йорка.

Когда они сбавили скорость, чтобы пропустить приближающийся поезд, идущий на север недалеко от пересечения с Ривингтон-стрит, Элизабет посмотрела в окно многоквартирного полуразрушенного здания. На втором этаже находилась мясная лавка. Но ее внимание привлекла квартира на третьем этаже. Ленные занавески, когда-то белые, а теперь запачканные сажей, были слегка раздвинуты, так что она смогла разглядеть две фигуры – мужчину и женщину. Она была молодой, пожалуй, даже слишком, ее волосы были настолько светлыми, что казались почти белыми. Мужчина был несколько старше – высокий, крепкого телосложения, одетый в черную шляпу и темно-бордовый сюртук. В утреннем свете, пробивающемся сквозь щель в занавесках, Элизабет на секунду показалось, что они танцуют. Но сразу стало ясно, что они вступили в физическую борьбу. Тело девушки наклонилось назад, она вцепилась пальцами в запястья мужчины, а тот обхватил руками ее шею.

Элизабет наблюдала за ними, и у нее перехватило дыхание: мужчина пытался задушить женщину. Она оглядела вагон, чтобы посмотреть, понимает ли кто-то из ее попутчиков, что там происходит. Но они были заняты поеданием сладостей, болтовней, чтением газет или обмахиванием веером. Никто, кроме нее, казалось, не замечал ужасной сцены, происходившей всего в нескольких метрах от них. Вытянув шею, она попыталась удержать пару в поле зрения, пока поезд, пытаясь, начал двигаться вперед, но здание вскоре исчезло в серой дымке вздымающегося тумана.

² Традиционное название американских баров, существовавших в западной части страны во времена Дикого Запада. Вторым этаж данных заведений нередко использовался под гостиницу.

Глава 2

– У вас уже есть колонка, – сказал Карл Шустер. – И посмею добавить, вам повезло получить ее.

Элизабет последовала за своим редактором в захламленный кабинет на втором этаже, закрыв за собой дверь, когда тот тяжело опустился в свое рабочее кресло. Он был крупным, крепко сложенным мужчиной, отчего стул закрипел под его весом.

– Но я уверена, что видела...

– Мы не можем позволить себе освещать каждую *Streit*³ между мужем и женой, – добавил он, перебирая бумаги на своем столе. Он разговаривал на английском почти безупречно и без акцента, но все равно вставлял в свои предложения немецкие слова и фразы.

– Он мог быть грабителем! Какой порядочный муж будет пытаться задушить свою жену? Разве вас не беспокоит судьба бедной молодой девушки?

– *Das macht nichts*⁴, – произнес он, потирая лоб. – Наш лучший редактор дома, ухаживает за своей беременной женой, которая должна вот-вот родить, два репортера заболели дизентерией...

– Очевидно, результат поедания нескольких дюжин устриц в сомнительной таверне вчера...

– И я вынужден осветить сегодня колонку местных новостей, пока мистер Этвуд хоронит свою мать.

– И моя история отлично подойдет! – захныкала Элизабет. – Этот случай и есть местные новости...

– *Genug!*⁵ Не донимайте меня больше по этому вопросу, – процедил мужчина, со стуком опустив кулак на стол. Его квадратное лицо покраснело. Высокий, широкоплечий и со светлыми волосами, которые всегда были взлохмачены, у Карла Шустера были толстые пальцы и невероятно бледно-голубые глаза. Он больше походил на портового рабочего или фермера, чем на редактора газеты. Мужчина оставил должность главного редактора в «Нью-Йорк штатс-цайтунг» – уважаемой еженедельной газете на немецком языке, чтобы работать в «Геральд».

³ Ссора (нем.).

⁴ Это не важно (нем.).

⁵ Довольно (нем.).

Ходили слухи, что он ушел в отставку из-за разногласий с известным главным редактором газеты – Освальдом Оттендорфером.

Элизабет выпрямилась со всей гордостью, которая у нее была.

– Я так понимаю, мне придется изучать таинственные деяния своих сограждан в свободное от работы время.

Шустер наклонился вперед, положив локти на массивный дубовый стол, который был на удивление в полном беспорядке. Мать Элизабет всегда хвалила немцев за то, что те были чрезвычайно организованными, но Карл Шустер, похоже, взял на себя смелость разрушить эту репутацию. Его кабинет был образцом неряшливости. Старые экземпляры «Геральд» и других нью-йоркских еженедельных газет пыльными стопками лежали по углам. Башни томов штатских в ненадежных кучах. На полу стояло больше книг, чем на книжных полках. Горы бумаг валялись на столе, торчали из ящиков, засунутые в каждую щель и рассыпанные по полу, как опавшие листья. Однако вместо атмосферы хаоса весь этот беспорядок создавал ауру спокойствия. В кабинете довольно уютно, избыток вещей создавал ощущение убаюкивания в теплом коконе.

Карл покачал своей лохматой белокурой головой. Он выглядел немного грустным.

– Мисс ван ден Брук, как бы я ни одобрял вашу целеустремленную решительность, позвольте напомнить вам, что как единственная женщина-репортер в «Геральд»...

– Тем больше причин беспокоиться о притеснении женщин!

Шустер взглянул на свои карманные часы.

– У вас есть ровно два часа, чтобы добраться до особняка Асторов на Пятой авеню.

– Зачем?

– Вы осветите вечеринку в саду миссис Астор. На ней будут присутствовать все из высшего общества. У вас едва ли есть время переодеться, так что, полагаю, вам придется пойти в том виде, в котором вы есть.

– А разве я плохо одета?

– Для отдела новостей – нет. Но для светской вечеринки в саду...

– Я позаимствую что-нибудь у мамы по дороге.

– Как поживает ваша мама?

– Печется о каждом моем решении. Но ей нравится страдать, так как это улучшает цвет ее лица.

– *Eine feine Dame*. Настоящая леди. *Ganz würdig*⁶.

Элизабет нахмурилась. Немецкое слово «достойный» было схоже с голландским, так что она поняла его значение. Однако не хотелось, чтобы ей напоминали, что она получила работу в «Геральд» отчасти благодаря связям родителей. Ей хотелось верить, что ее академические достижения в Вассаре внесли некоторый вклад, но она подозревала, что тем самым только обманывает себя. Семья ван ден Брук берет свои корни от первых голландских поселенцев города, которые называли этот район новый Амстердам, прежде чем англичане переименовали его.

И теперь многие люди стекались к берегам Манхэттена, поскольку Великий картофельный голод вынуждал бедные ирландские семьи искать пристанище в быстро растущих городских трущобах. Вскоре за ними последовали, в меньшем количестве, китайцы. Немцы, такие как Карл Шустер, как правило, были более образованными и состоятельными. В 1863 году в городе даже был избран мэром немец.

– Ну? – спросил он. – И чего вы ждете?

– Ладно, – ответила она. – Но вы еще не раз услышите от меня об этом. – Она медленно развернулась, пересекла комнату в три шага и с такой силой распахнула дверь, что чуть не

⁶ Очень достойная (нем.).

вырвала ее из рамы. Элизабет была высокой, крепкой девушкой, больше похожей на своего отца, чем на более хрупкую и невероятно красивую мать.

Торопливо спускаясь по белой мраморной лестнице со второго этажа редакции, Элизабет кивнула паре коллег-репортеров, поднимающихся наверх. Они приветливо улыбнулись ей, хотя она знала, как они будут вести себя, оставшись наедине. Большинство ее коллег не скрывали своего убеждения, что женщинам и близко не место в редакции, разве что приносить кофе или мыть полы.

На площадке второго этажа она увидела Саймона Снида, поднимающегося к ней по лестнице. Он был мерзким, скользким человеком, который, казалось, оставлял за собой след от слизи, как слизняк. Его недавно повысили с должности редактора до помощника главного редактора, и ходили слухи, что у него были связи с коррумпированными политиками Тамани-холл.

Остановившись перед ней, он улыбнулся, зубочистка свисала с одной стороны его рта.

– Неужто это наша знаменитая мисс ван ден Брук, – проворчал он, оглядывая ее с ног до головы, словно она была лошастью на продажу. Будучи высоким и стройным, он двигался плавно, подобно пантере, и, казалось, всегда был готов нанести удар. С самого первого дня в «Геральд» Элизабет чувствовала на себе взгляд Снида. Дело было не столько в том, что он говорил, сколько в том, что она чувствовала в его присутствии: растерянность, волнение и неуверенность в себе.

– Доброе утро, мистер Снид, – поприветствовала Элизабет, избегая зрительного контакта.

Она двинулась, чтобы пройти мимо него, но он поймал ее за локоть.

– Куда спешите? Направляетесь на пожар?

– Извините, у меня есть поручение...

– Которое может подождать еще несколько минут, – сказал он, сильнее сжимая ее руку. – Не стоит вести себя невежливо по отношению к коллегам, не так ли? Думаю, не нужно отказываться от предложения дружбы.

Его наглый тон раздражал ее.

– У меня достаточно друзей, – процедила она, отстраняясь, чтобы уйти. Но, прежде чем она успела сделать шаг, он схватил ее за запястье и притянул к себе.

– О, не думаю, что у кого-то может быть слишком много друзей, – произнес он, его лицо было так близко к ее, что она чувствовала запах его лаймового лосьона после бритья. – Никогда не знаешь, когда они пригодятся. – Прикрыв глаза, он наклонился ближе, как будто хотел ее поцеловать. В этот момент Элизабет слышала звук приближающихся шагов и голоса, доносившиеся с той же стороны. Кто-то направлялся к ним со стороны вестибюля – судя по всему, двое мужчин. Элизабет воспользовалась моментом, чтобы отстраниться, но Саймон крепко держал ее за запястье, наклонившись вперед, чтобы прошептать ей на ухо:

– Помни, что я сказал – никогда не знаешь, когда тебе понадобится друг. – Отпустив ее, он рассмеялся и быстро поднялся по лестнице, тихо насвистывая.

Чувствуя, как к щекам приливает жар, Элизабет потеряла запястье и встряхнулась, прежде чем продолжить свой путь вниз в вестибюль. Двое мужчин, которых она слышала ранее, приподняли шляпы, проходя мимо. Она коротко кивнула в ответ, не в силах выдавить улыбку. Ее лицо горело – не от стыда, а от гнева. Она поклялась не спускать глаз с Саймона Снида, даже когда прокручивала в уме его слова, рассматривая приглашение в рамках скрытой угрозы. Он, конечно, был не из тех, кого хотелось бы иметь в качестве врага, однако она чувствовала, что он мог бы быть полезен как «друг», если бы только она могла играть с ним так, как он пытался играть с ней.

Оказавшись снаружи, Элизабет сделала глубокий выдох. Хотя воздух в августе в Нью-Йорке был далеко не самым чистым, ей было приятней вдыхать его, нежели чем делить воз-

дух с таким человеком, как Саймон Снид. Через дорогу, на западном углу Энн-стрит и Бродвея, люди входили и выходили из часовни Святого Павла, и так было весь день напролет. Она повернулась, чтобы взглянуть на пятиэтажное здание редакции «Геральд» позади нее, с высокой мансардной крышей и белым мраморным фасадом. Построенный во французском стиле времен Второй империи⁷, он был детищем Джеймса Гордона Беннетта-младшего – сына знаменитого основателя газеты «Геральд». Он купил участок бывшего Американского музея Барнума, чтобы построить элегантное чугунное здание с утонченными мансардными окнами и богато украшенной металлической отделкой.

Обычно Элизабет нравилось любоваться им, однако в данный момент она была в дурном настроении, расстроенная ограничениями, налагаемыми на ее пол. Она прекрасно понимала, что будь она мужчиной, ее не заставили бы освещать вечеринку в саду вместо возможного случая убийства. Быстро шагая на север по Парк-Роу, известном как Издательская улица (или Печатный двор, названный в честь улицы в Лондоне), она миновала небоскреб знаменитого журнала «Таймс», офиса газеты «Трибюн» с часовой башней, маленькое здание «Штатс-цайтунг» и завернула за северный угол здания редакции «Уорлд», круглый купол которого повторял купол городской ратуши через дорогу.

Элизабет подумала было поймать кеб, но решила вернуться на железнодорожную станцию в центре города, надеясь мельком взглянуть в окна квартиры, где она видела, как напали на женщину. Она думала, что сможет рассмотреть то место.

⁷ Период бонапартистской диктатуры во Франции с 1852 по 1870 год.

Глава 3

Элизабет села на поезд до 28-й улицы, пройдя два квартала до дома своих родителей. Городской особняк во французском стиле шато находился всего в четырех кварталах к югу от дома Асторов, и хотя его отделка не была такой роскошной, как часто фотографируемый особняк Асторов, он тем не менее выглядел достаточно величественно, отчего каждый раз, входя в него, Элизабет чувствовала, будто ее жизненные ценности принижаются.

Войдя в мраморное фойе, украшенное сверкающими люстрами и застекленными шкафами, заполненными старинной китайской керамикой, Элизабет услышала знакомые звуки рояля, доносившиеся из гостиной. Ее мать играла произведение Бетховена. Элизабет узнала быстрое исполнение невероятно сложной композиции «Патетическая соната», поскольку не раз пыталась справиться с ней сама. Однако ее мать довела технику исполнения до идеала благодаря природному таланту: каждая нота была жемчужиной точности и красоты, сверкающими капельками в струящемся фонтане совершенства.

Катарина ван ден Брук обладала таким даром, который вызывал зависть у музыкантов более заурядного таланта. Будучи представительницей последней категории, Элизабет давно перестала испытывать что-либо, кроме удивления способностям своей матери, не говоря уже о ее дисциплине и преданности делу. Пожалуй, это была единственная черта характера ее матери, которой она искренне и открыто восхищалась. И еще, конечно, ее красотой: неземной, неоспоримой и захватывающей дух. Что всегда впечатляло Элизабет, как и всех, кто встречался с ней: ее мать была способна удивить окружающих безразличием к своей внешности. Хотя Элизабет прекрасно понимала, что это всего лишь продуманный образ. Катарина прекрасно знала, как ее внешность влияет на окружающих, и весьма уместно использовала ее в своих интересах.

Внезапно музыка фортепиано прекратилась. Вслед за легким стуком каблучков по полированному паркету появилась стройная фигура ее матери в открытом дверном проеме. Лишенное макияжа и обрамленное прядями золотистых волос, ее лицо было настолько прекрасным, что у Элизабет перехватило дыхание. Сила красоты ее мамы всегда немного шокировала. Одетая в платье медового цвета с кремовым французским кружевом в области декольте, подчеркивающее ее светло-карие глаза, Катарина ван ден Брук выглядела по меньшей мере на десять лет моложе своих сорока двух лет.

– Элисабет, дорогая, какой приятный сюрприз! – воскликнула она, бросаясь к Элизабет с присущим ей энтузиазмом и целуя ее в обе щеки. Она произносила имя своей дочери как «Эй-

лис-а-бет», хотя оно было английским, а не голландским. Дать такие имена своим дочерям, которые могли бы сойти за английские, была идея отца Элизабет. По его словам, они соответствуют духу будущего города, а не его прошлому. Голландские колонисты проявили подобную практичность, когда передали Манхэттен англичанам во избежание кровопролитной войны.

Катарина отступила назад, чтобы разглядеть свою дочь.

– Ты похудела, – промолвила она, нахмурившись. – Ты плохо питаешься.

Элизабет улыбнулась. Мама постоянно сетовала по этому поводу с тех пор, как Элизабет переехала в Вассар. Хотя она отнюдь не была тучной, тем не менее Элизабет всегда была немного полнее своей стройной мамы. И все же Катарину вечно беспокоило, что Элизабет слишком худая, даже после того, как та набрала нормальный вес в первый год обучения в школе.

– Я питаюсь довольно хорошо, – ответила Элизабет. – Ты чудесно исполнила Бетховена, – добавила она, быстро меняя тему.

Ее мать отмахнулась от комплимента, вскинув руку.

– Я все еще пытаюсь довести до высокого уровня технику арпеджио⁸ на левой руке.

– По мне, так все было великолепно.

– Говоришь, как твой отец. А он далеко не музыкант, ты и сама знаешь.

– В таком случае ты сыграла просто ужасно.

– А вот язвить не нужно. Я как раз собиралась выпить чаю в северной гостиной – присоединяйся ко мне. – В доме ее родителей были не только северная и южная гостиные, но и роскошная столовая, вмещавшая до пятидесяти человек, а также большой бальный зал.

– Боюсь, я не могу...

– Нора как раз собиралась накрывать на стол. Я просто скажу ей, чтобы она принесла еще одну чашку.

Нора О’Доннелл была их горничной из Ирландии – замкнутой и обидчивой девушкой, которую ее мать непостижимо любила, считая бесценной. Элизабет знала, что Нора обкрадывает ее родителей, но, видя бедственное положение иммигрантов из Ирландии, Элизабет ничего не рассказала.

– С сожалением должна сказать, что не могу остаться. Пожалуйста, не беспокойте Нору из-за меня.

Катарина вздохнула.

– Мне правда очень хотелось бы, чтобы ты наняла горничную. Твой отец с радостью бы оплатил ее работу.

– Раз в неделю владелец Стайвесанта приглашает уборщицу по очень разумной цене.

– Ну, по крайней мере, это приличное место для проживания. Хотя, должна сказать, мне нет дела до некоторых отбросов общества в том районе.

– Там я в полной безопасности, мама.

– Раз ты так говоришь, – с сомнением ответила Катарина. – Но если ты не можешь остаться на чай, то зачем тогда пришла?

– Я лишь зашла, чтобы одолжить платье.

– Для чего?

– Главный редактор моей газеты поручил мне осветить вечеринку в саду у Асторов...

– У Асторов?

– Да.

– Сегодня? В их особняке на Пятой авеню?

– Начало меньше чем через час.

⁸ Способ исполнения аккордов, при котором звуки идут последовательно один за другим, преимущественно от самого нижнего к самому верхнему.

Ее мать горестно усмехнулась.

– Без сомнения, это будет грандиозный прием. – Выражение тяжелой потери промелькнуло на ее лице. – Не понимаю, почему миссис Астор – как она просит себя называть – не считает семью ван ден Брук одной из «Четырехсот». Жаль, что твоего отца это особо не волнует. Уверена, будь все иначе, мы были бы в списке гостей.

Элизабет одновременно разозлила и тронула попытка матери сохранить лицо. Так называемые «Четыреста» были списком людей, которые имели влияние в светском обществе, представляя собой элиту Нью-Йорка. Ходили слухи, что список был недостоверным. Что такого документа не существовало. И что число «четыреста» просто отражало количество людей, которые могли собраться в бальном зале дома миссис Астор.

– И все же зачем ты пришла сюда? – спросила Катарина.

– Как можешь видеть, мне не хватает подходящего наряда, – ответила Элизабет, указывая на свое довольно скромное зеленое платье и сшитый на заказ жакет в тон. – У меня есть несколько платьев в моей квартире, но они не подходят для данного мероприятия.

Ее мать кивнула.

– В этом наряде ты будешь как белая ворона в доме Асторов. В конце концов, твоя колонка в газете освещает все светские хроники.

Элизабет вздохнула.

– Не представляю, кто вообще читает эту колонку.

– Вероятно, другие женщины.

– Скорее, глупые и поверхностные, у которых слишком много свободного времени.

Катарина скрестила руки на груди.

– Кто бы говорил – ты обязана своей работой высокому положению своей семьи, и тебе это прекрасно известно.

– Я не горжусь этим. По правде говоря, я...

– Ты не была такой гордой, когда пользовалась нашим влиянием.

– Мне пришлось, если таким образом я смогу принести пользу миру.

– Тем не менее сейчас самое главное – чтобы ты оделась должным образом для этого поручения, – на лице ее матери появилась высокомерная улыбка.

– Все знают, что у тебя самые красивые платья в городе, – заявила Элизабет, заменив лесть правдой, а именно тот факт, что у нее не было времени заскочить домой в Стайвесант, чтобы переодеться.

– Я не слышала такого, – ответила Катарина. – Но я посмотрю, что можно тебе предложить.

Она развернулась и грациозно выскользнула из комнаты как раз в тот момент, когда Нора вошла из двери, ведущей на кухню, неся сверкающий серебряный чайный сервиз. Когда она увидела Элизабет, то попыталась изобразить на лице подобие улыбки. Это было похоже на то, как лава пытается течь обратно в вулкан, и все же девушке наконец удалось слащаво и самодовольно ухмыльнуться.

– Доброе утро, мисс, – поздоровалась она, делая реверанс. – Не знала, что вы придете.

– Я и не планировала, Нора, но вот она я. Как поживаешь?

– Не могу жаловаться, мисс, – ответила та, ставя поднос на край стола. – Я принесу еще одну чашку...

– Я не останусь, – сказала Элизабет, наслаждаясь тем, как девушка пыталась скрыть свое облегчение еще одним неубедительным выражением лица. Нора О’Доннелл не была одаренной актрисой, но она была ловкой воровкой, крадущей маленькие безделушки из обширной коллекции украшений Катарины. Она всегда тщательно выбирала более дешевые вещи, которые ее хозяйка редко носила. Ее неприязнь к Элизабет, без сомнения, подпитывалась знанием того, что та знала тайну, поскольку не раз видела, как Нора засовывала украденные вещи в свои

карманы. Она притворилась, что не подозревает о воровстве девушки, а Нора притворилась, что не знает, что Элизабет ее раскусила. Это была маленькая игра, в которую они играли и в которой Элизабет одерживала верх, что приводило Нору в ярость. Отсюда и ее едва сдерживаемая злоба. Элизабет подумывала о том, чтобы открыто поговорить с девушкой, ее восхищала смелость горничной. Но в то же время ее возмущало безрассудство матери и равнодушное отношение к кражам, происходящим прямо у нее под носом. Вдобавок ее еще больше тревожило то, что она наняла на работу такую вспыльчивую девушку.

– Может, мне принести вам что-нибудь, мисс?

– Нет, спасибо, Нора, все нормально.

Убрав прядь темных волос со лба, Нора вновь присела в реверансе, задержавшись чуть дольше, чем необходимо, чтобы показать свое неповиновение, прежде чем покинуть комнату. Элизабет почувствовала облегчение, когда горничная ушла. Однако она находила девушку довольно симпатичной: у той были блестящие черные кудрявые волосы и чистая белая кожа, хотя ее мать не раз заявляла, что толстые лодыжки Норы выдают ее принадлежность к крестьянам. Катарина ван ден Брук умела ставить людей на место оскорблениями, выдавая их за замечания, тем самым проявляя собственное превосходство. Элизабет считала, что ее мать не осознавала, что ведет себя высокомерно. Элизабет также, несомненно, считала, что если укажет матери на это, то та будет все отрицать, глубоко оскорбленная таким предположением. Ведь она проявляет излишнюю вежливость, и ничего более.

Катарина, как образец светской грации, вошла в гостиную с желтым шелковым платьем в руках. Элизабет видела ее в нем на многих балах и званых вечерах. Это было одно из любимых платьев ее матери, всего на несколько тонов светлее ее золотистых волос, с присборенным шлейфом и волнами из черного кружева на плечах.

– Оно всегда было мне немного велико, – сказала Катарина, кладя платье на диван. – И ты сейчас довольно худенькая, так что, думаю, оно может подойти.

– Ты уверена, что хочешь одолжить мне его? – спросила Элизабет, проводя рукой по глянцевого ткани. – Оно одно из твоих любимых.

– Что за вздор, у меня слишком много платьев. Твой отец с удовольствием покупает их для меня, как бы я ни ругала его за расточительность.

Элизабет улыбнулась. Первое утверждение было правдой. Хендрик ван ден Брук души не чаял в своей красавице-жене и получал огромное удовольствие, демонстрируя ее в нарядах, подобающих жене видного судьи. Что касается протеста ее матери против покупки новых платьев, Элизабет не видела никаких доказательств этому. Она еще не встречала женщину, которая была бы недовольна красивой одеждой в качестве подарка.

– Это очень щедро с твоей стороны, – призналась она и пошла примерять платье. Оно действительно подходило, даже если и было тесным в нескольких местах, однако в комплекте с перчатками и шелковой сумочкой, подаренной матерью, Элизабет чувствовала себя поистине элегантной.

– Возьми мою любимую парасоль, – предложила мама, доставая из прихожей красивый золотой зонтик с отделкой из черного кружева. – Это настоящий китовый ус, а не металл, из которого изготавливают большинство зонтов в наши дни.

– Не стоит...

Хмурое выражение омрачило прекрасное лицо Катарини.

– Даже не думай появляться у миссис Астор без парасоли. Жаль, что у нас нет времени как следует причесать тебя. Стой спокойно, – добавила она, вплетая желтую ленту в каштановые кудри Элизабет. – Вот так неплохо, – сказала она, отступая назад, чтобы полюбоваться своей работой. – Увы, ты несколько выше, чем подобает быть женщине, но с этим ничего не поделаешь. Но не бери в голову – зато у тебя от природы густые волосы, а у леди Астор, как

известно, редкие. Она часто носит парики – разумеется, очень дорогие. Она будет тебе завидовать, а в высшем обществе зависть часто маскируется под восхищение.

– Мне нет дела до того, чтобы мне завидовали или восхищались...

– А вот тут ты ошибаешься. Лесть – неизменная валюта общества, а зависть – ее алчный кузен. Когда люди завидуют тебе, то притворяются, что восхищаются тобой, дабы сохранить лицо. И это дает тебе власть над ними.

– Я не хочу иметь власть над другими людьми.

Катарина ван ден Брук погладила лицо своей дочери.

– О, моя дорогая, ты слишком молода, чтобы знать, чего хочешь.

Элизабет попятилась, возмущенная снисходительностью матери.

– Я знаю, чего хочу.

– Чего же?

– Чтобы моя сестра вылечилась.

Лицо ее матери побледнело, а губы плотно сжались.

– Все в руках Божьих, – тихо произнесла она.

– Почему ты никогда не говоришь о Лоре?

– Для твоего отца это слишком болезненная тема.

– Ты когда-нибудь навещаешь ее?

– Во сколько начинается мероприятие? – спросила ее мать, пересекая всю комнату, чтобы налить чай из сервиза. – Ты уверена, что не хочешь чаю?

– Нет, спасибо.

– Нора может принести дополнительную чашку. Это не проблема, – добавила она, избегая смотреть на Элизабет.

Видя, что ее мать чувствует себя некомфортно, Элизабет пожалела, что затронула тему болезни сестры. В детстве эти двое были почти неразлучны. Будучи всего на два года старше, Лора была как мама для Элизабет, защищая ее от резких всплесков настроения Катарины. В свою очередь, Элизабет уговаривала свою тихую сестру присоединиться к ней во многих приключениях, которые две маленькие девочки совершали. Катались верхом на лошадях по Центральному парку Нью-Йорка или на пони в сосновом лесу их летнего домика в Киндерхуке.

Лора впервые начала слышать голоса, когда Элизабет училась в колледже. Вскоре последовали параноидальные образы. Ей стало казаться, что кто-то разбрасывает стекла по полу ее спальни, пока она спит. Она отказывалась есть, если не могла наблюдать, как готовят еду, поскольку была уверена, что ее кто-то пытается отравить. Когда Элизабет вернулась на рождественские каникулы во время обучения на втором курсе колледжа, ее мать пыталась скрыть болезнь сестры. Но как только все раскрылось, та сначала преуменьшила состояние сестры, а после вообще полностью отрицала все.

Катарина, которая обладала ледяным взглядом и сохраняла гробовое молчание, выбегала из комнаты в слезах, решительно отвергая попытки отца Элизабет поднять эту тему, когда все ее усилия закрывать на это глаза ни к чему не приводили. Хендрик был беспомощен перед лицом эмоционально неустойчивой жены. Он имел старомодный взгляд на жизнь – смотрел на женщин как на хрупких созданий, которых следует защищать и баловать. Что удивляло Элизабет, поскольку Катарина обладала железной волей и властностью. Тем не менее ее отец обожал свою умницу-красавицу жену с отчаянной страстью, которая напоминала Элизабет Шарля Бовари – без памяти влюбленного мужа Эммы из романа «Мадам Бовари». Эта книга была основным произведением на уроках французской литературы в колледже, и, хотя Элизабет испытывала трудности с французским языком, история ее покорила.

Заметив тревожные симптомы у своей сестры, Элизабет вернулась в Вассар обеспокоенная и озадаченная, но каким-то образом сумела полностью погрузиться в учебу. Когда она вернулась домой после окончания второго курса, невозможно было отрицать, что ее сестра изме-

нилась. Исхудав и побледнев, Лора оказалась во власти голосов, которые могла слышать только она. Иногда они заставляли ее смеяться, но чаще они пугали ее. Элизабет могла лишь наблюдать, как ее любимая сестра все глубже погружается в мир, где никто не мог до нее добраться. Когда-то ходили разговоры о поступлении Лоры в художественную школу, но они прекратились, поскольку ее состояние ухудшилось.

К концу третьего курса обучения Элизабет родители поместили Лору в больницу Белвью – в недавно достроенное отделение для душевнобольных. Когда Элизабет вернулась в город после окончания колледжа, она навещала сестру раз в неделю и зачастую возвращалась домой в состоянии нервного истощения, видя, как та уходит от реальности.

– Я виделась с ней два дня назад, – сказала Элизабет своей матери, которая до сих пор возилась с чаем.

– Она узнала тебя? – спросила Катарина, не оборачиваясь.

– Да, – заявила Элизабет, хотя, по правде говоря, она не была уверена.

– Они перевели ее в отдельную палату.

– Твой отец устроил это, – сказала ее мать. – Он состоит в Совете директоров больницы.

– Мы могли бы как-нибудь навесить ее вместе, – сказала она, как раз в тот момент, когда ее мать уронила чашку, разбив ее, отчего осколки костяного фарфора рассыпались по паркетному полу.

На мгновение Катарина уставилась на беспорядок, затем ее лицо сморщилось, как китайский веер.

– Какая я неуклюжая. Что со мной будет дальше? – разразившись рыданиями, она выбежала из комнаты.

В нормальной семье дочь могла бы пойти утешить ее, но Элизабет прекрасно понимала, что они не нормальная семья. Катарина ван ден Брук терпеть не могла, когда ее видели плачущей, даже родная дочь. Бегство из комнаты было равносильно тому, как римский центурион натягивал плащ на лицо, чтобы скрыть свои страдания. Элизабет знала, что лучше не следовать за мамой.

Она взяла парасоль, шелковую сумочку и перчатки, которые одолжила Катарина. Сунула их под подмышку и тихо выскользнула из дома.

Глава 4

Когда Элизабет вышла на Пятую авеню, шел небольшой дождь. Не желая пачкать свои модные туфли, она взяла кеб, чтобы доехать до места проведения званого вечера. Приехав туда, девушка увидела вереницу экипажей, протянувшуюся на четыре квартала в обе стороны. Большинство гостей на вечеринке, устроенной Кэролайн Астор, владели собственным экипажем и желали показать это всем.

По сравнению со зданием в стиле французского замка, расположенным через дорогу, особняк Асторов снаружи выглядел на удивление неприметно. Расплатившись с извозчиком, Элизабет вышла из кеба и поднялась по массивной каменной лестнице, ведущей к парадной четырехэтажного дома. Дверь открыл дворецкий, цвет его кожи был похож на цвет высушенной кукурузы. Оглядев девушку сквозь свои бифокальные очки, он неохотно взял ее визитную карточку, приподняв бровь, когда увидел надпись «Нью-Йорк геральд» над ее именем.

– Значит, вы журналист? – спросил он, произнося слово «журналист» тем же тоном, который используют для описания неприятной физиологической функции организма.

Уставшая от такого отношения, Элизабет коротко кивнула, и ее молча сопроводили в роскошный бальный зал, расположенный в отдельном крыле дома. Шикарные восточные ковры покрывали почти каждый сантиметр блестящего паркетного пола. Стены были увешаны массивными картинами, на которых были изображены в основном пейзажи. Они висели очень близко друг к другу, отчего увесистые рамы многих из них соприкасались. Мраморные статуи, растения в горшках и замысловатые светильники украшали углы комнаты; диваны, кресла и пуфы были выстроены вдоль стен. Элизабет также заметила знаменитую тахту миссис Астор: мягкое маленькое кресло с красочным полосатым подлокотником, подходящее для турецкого принца.

Увидев идеализированный портрет Кэролайн Астор в молодости, Элизабет не сразу узнала ее в той женщине средних лет с грубыми чертами лица, которая сидела на красной округлой оттоманке в центре балльного зала. Она величественно восседала в комнате, полной гостей в дорогой и красивой одежде. Сама хозяйка была одета в роскошное фиолетовое бархатное платье, настолько темное, что казалось почти черным, с кремовым французским кружевом на шее и локтях. Бросив взгляд на обильную копну темных волос, уложенных на макушке, Элизабет заподозрила, что это парик. Если слова, сказанные ее матерью, были правдой.

Комната была освещена мягким светом от десятков свечей на огромной люстре, висящей над оттоманкой. Сама люстра была еще одним демонстративным проявлением богатства

– помимо изысканного хрусталя для нее было необходимо использовать десятки свечей, что было куда сложнее и отнимало больше времени, чем для оснащения газовых бра в комнате. Только человек с большим достатком мог позволить себе нанять персонал, который бы чистил люстры и заменял десятки сгоревших свечей.

Когда Элизабет нерешительно вошла в комнату, шумные разговоры резко стихли и миссис Астор повернула свою довольно большую голову в ее сторону. Она прищурила глаза и сжала губы, склонив голову набок, словно оценивала Элизабет, а затем ее лицо расплылось в широкой улыбке.

– Иди сюда, дитя, – сказала знатная дама, подзывая ее.

Элизабет сделала шаг в ее сторону.

Миссис Астор протянула украшенную драгоценностями руку.

– Не волнуйся, я не укушу, независимо от дошедших до тебя слухов.

Несколько дам захихикали, джентльмены улыбнулись, и в этот момент Элизабет поняла, что ее мать была права: миссис Кэролайн Астор действительно правила всеми в своем окружении.

Миссис Астор посмотрела на Элизабет сквозь пенсне.

– Почему я не знаю тебя? Кто твои родители?

– Моего отца зовут Хендрик ван ден Брук, а мать...

– Катарина ван ден Брук, урожденная ван Доорен. Ее отец был каким-то выдающимся человеком, – она улыбнулась озадаченному выражению лица Элизабет. – А твой отец – уважаемый судья и член клуба «Никерброкер», полагаю. – «Никерброкер» был старейшим и самым престижным мужским клубом Нью-Йорка, принимавшим членов только из богатых и старинных семей.

Элизабет почувствовала, как краснеет.

– Вы правы.

Миссис Астор улыбнулась.

– Безусловно, я знаю гораздо больше, чем нужно. Но мое положение требует, чтобы я следила за всеми, кто имеет влияние – или может иметь – в нью-йоркском обществе.

Элизабет позабавила мысль, что миссис Астор приравняла ее мать к категории «те, кто может иметь влияние».

– Как тебя зовут, дитя мое?

– Элизабет ван ден Брук.

– Где ты живешь?

– Стайвесант, 18-я Ист-стрит.

– Довольное престижное место, – сказала она, бросив взгляд на своих приспешниц, и те кивнули. Дамы взмахнули веерами, разглядывая Элизабет поверх краев из французского кружева. Она чувствовала себя одинокой газелью под пристальным взором стаи голодных львиц. Миссис Астор повернулась к ней. – Калверт Во проживает в Стайвесанте, а вдова генерала Кастера живет на втором этаже.

– Вы поражаете меня, мадам, – ответила Элизабет. – Говорят, вы знаете все, но ваша репутация не делает вам чести.

– *Tu es très agreable, ma petite*⁹, – сказала миссис Астор, пристально глядя на Элизабет через пенсне. – *Très belle*¹⁰.

⁹ А ты хорошенькая (франц.).

¹⁰ И очень красивая (франц.).

– *Merci, madame*¹¹, – ответила Элизабет, отметив, что Кэролайн использовала неформальное «tu» – тонкое напоминание о высоком социальном положении пожилой дамы. – *J'espère que vous aurez quelque chose à dire pour le «Геральд»*¹².

– *Ah, tu es journaliste. Admirable*¹³.

Элизабет удивилась, почувствовав приятную дрожь от слов миссис Астор. Она долгое время считала, что социальный статус – это, по сути, банальная чепуха. Тем не менее, стоя сейчас здесь, в святая святых самой влиятельной фигуры в нью-йоркском обществе, окруженная мягким светом сотни свечей, она ощутила, что ее кожу начало покалывать. Она почувствовала, что каким-то образом добилась своего.

По настоянию миссис Астор Элизабет налила себе чаю из одного из фарфоровых чайничков с цветочным узором, стоявших на буфете. Избавившись от лишнего веса, который она набрала во время учебы в колледже, она отказалась от предложенных леди сладостей, за исключением небольшого кусочка лимонного слоеного пирога, который выглядел слишком аппетитно, чтобы его не попробовать.

– Пойдем, я познакомлю тебя с моими гостями, – предложила миссис Астор, подводя Элизабет к двум дорого одетым дамам, стоявшим рядом с чашей для пунша из граненого хрусталя. – Позволь мне представить тебе миссис Лилиан Абернати, – сказала она, указывая на более взрослую даму, – и ее племянницу – мисс Элоизу Пратт.

– Приятно познакомиться, – сказала мисс Пратт, протягивая руку. На ней были кремово-желтые лайковые перчатки, которые сочетались с кружевом на платье. Она была юной и миловидной, с блестящими черными волосами и живыми темными глазами.

– Рада с вами познакомиться, – сказала Элизабет, пожимая ее руку.

Ее тетя была не менее привлекательна, чем племянница: высокая и стройная, с лебединой шеей и маленькой, правильной формы головой. Казалось, она была несколько менее рада знакомству с Элизабет, чем ее племянница, но достаточно вежливой, чтобы любезно расспрашивать Элизабет о жизни.

– Ну надо же, – воскликнула она, узнав, что Элизабет – журналистка. – Очень предпримчиво с твоей стороны.

– И тебе совсем не страшно? – спросила ее племянница, широко раскрыв свои большие карие глаза, с нетерпением ожидая ответа.

– Чего мне бояться? – спросила Элизабет.

– Ну, жестоких людей, разумеется.

– Я не встречаю таких, поскольку пишу статьи о светской хронике.

– О, – удивилась мисс Пратт, выглядя при этом немного разочарованной. Она поджала свои красивые губы и взмахнула веером, когда ее тетя наклонилась к Элизабет.

– В наши дни столь много неприятных личностей, – заметила миссис Абернати, тихо шепча. – А центр города, по слухам, изобилует злодеяниями.

Элизабет нахмурилась.

– Если это – правда, то она, без сомнения, является продуктом бедности и болезней.

– Безвольности личности, скорее, – поправила ее миссис Абернати.

– И отсутствия воспитания, – добавила ее племянница. – Папа всегда говорит, что хорошие манеры не спрячешь.

– Следует подметить, что и среди высших классов имеет место быть дурное поведение, – сдержанно заметила Элизабет.

¹¹ Спасибо, мадам (*франц.*).

¹² Надеюсь, вам будет что сказать для газеты «Геральд» (*франц.*).

¹³ Ах, так ты журналистка. Замечательно (*франц.*).

– Конечно, но не в такой степени, – сказала миссис Абернати. – Я хочу сказать, что некоторые люди из низших слоев живут как животные.

– Если так и есть, то только потому, что они вынуждены так жить, – натянуто ответила Элизабет, не пытаясь скрыть свое раздражение.

Глаза миссис Абернати округлились, а мисс Пратт яростно взмахнула веером.

– Ну и ну! – воскликнула пожилая дама. – Я *никогда*...

– Да, мадам, – холодно ответила Элизабет. – Вы никогда так не жили, и именно в этом и заключается проблема.

– И кто же это очаровательное создание? – произнес мужской голос у нее за спиной.

Элизабет обернулась и увидела высокого, утонченного джентльмена с зачесанными назад седыми волосами. У него широкий лоб и пронизательные, глубоко посаженные серые глаза.

Рядом с ним стояла миссис Астор, обвив свою руку вокруг его.

– Позволь мне представить мистера Чарльза Абернати – известного египтолога.

– Рада с вами познакомиться, – сказала Элизабет.

– Это взаимно, уверяю вас, – сказал он, кланяясь и целуя ее руку, задержавшись чуть дольше, чем необходимо.

Она резко отстранилась, с опаской глядя на миссис Абернати. Суровое, но при этом стоическое выражение лица жены указывало на то, что она видела подобное поведение сотни раз и уже давно оставила попытки изменить его.

– Мистер Абернати сотрудник музея Метрополитен, – заявила миссис Астор.

– Должно быть, это очень благодарная работа, – заметила Элизабет, и ей показалось, что она увидела, как миссис Абернати закатывает глаза за веером.

– Я довольно безуспешно пытался убедить их основать зал, посвященный Египту, – сказал он, пожав плечами.

– Вы слышали о древнем обелиске, известном как Игла Клеопатры?¹⁴ – спросила взволнованная мисс Пратт. Было трудно испытывать к ней неприязнь, даже учитывая ее непросвещенные взгляды. Она напоминала щенка спаниеля: взбудораженная и дерганая. Элизабет чувствовала, что для нее еще не все потеряно.

– Полагаю, он установлен в Лондоне, – предположила миссис Астор. – Прошу вас извинить меня, я должна поприветствовать своих гостей, – добавила она, указывая на пару средних лет, входящую в комнату.

– Один также расположен в Париже, и вот скоро в Нью-Йорке появится свой обелиск! – сказала мисс Пратт. Казалось, она пребывала в восторге от этого.

– Да, – подтвердила Элизабет. – Наша газета «*Геральд*» опубликовала статью об этой новости ранее. Он из Египта, но не имеет никакого отношения к Клеопатре.

– Я вижу, вы так же хорошо информированы, как и привлекательны, – заметил мистер Абернати.

Его жена поджала губы и нахмурилась. Повернувшись к чаше с пуншем, она налила себе большой бокал. Затем, обмахнувшись веером, присоединилась к группе людей в другом конце комнаты. Это было по меньшей мере невежливо, но Элизабет не могла ее винить. Ее муж проигнорировал ее поведение, а племянница, казалось, почти ничего не заметила. Она восторженно смотрела на своего дядю, когда тот рассказывал о своем участии в приобретении обелиска. Элизабет терпеливо подождала, когда он закончит, прежде чем извиниться и уйти. В этом мужчине было что-то отталкивающее, и ей не нравилось явное восхищение мисс Пратт, которое, как она опасалась, намекало на кое-что похуже.

¹⁴ *Игла Клеопатры* – древнеегипетский обелиск, расположенный в Лондоне и имеющий двух сестер в Париже и Нью-Йорке. Возраст обелиска примерно 3,5 тысячи лет, но, несмотря на название, Клеопатра не имеет к нему никакого отношения. Изготовили его за тысячу лет до ее рождения, затем перевезли в Египет, где он простоял до XIX века, а после его транспортировали по морю в Лондон.

Используя чувство жажды в качестве оправдания, Элизабет пересекла комнату, направляясь к чайному сервизу, проходя мимо миссис Астор, которая сидела на своей оттоманке. Дама поманила ее к себе.

– Увы, боюсь, дождь загнал нашу компанию в дом, – сказала она, ставя свою чашку. Элизабет подсчитала, что деньги, полученные от продажи кольца с рубином на ее правой руке, могли бы обеспечить семью из четырех человек приличным жильем на несколько лет. – Но, если дождь не слишком сильный, может, ты хотела бы посмотреть мой сад?

– Мне не хотелось бы, чтобы вы тратили на меня свое время, – сказала Элизабет, ставя чашку на столик с замысловатой резьбой и мраморной столешницей, пока хозяйка поместья поднималась с плюшевой бархатной оттоманки. Несколько элегантно одетых дам ткнули своих спутников-мужчин, которые наклонились вперед, чтобы предложить ей свою помощь.

– Я вполне способна встать сама, благодарю, – сказала миссис Астор. – Хочется надеяться, что я еще не настолько дряхлая. Пойдем, дитя мое. – От нее исходил слабый аромат цветущих орхидей, когда она взяла Элизабет за руку. – Давай прогуляемся по саду, где сможем поговорить наедине. Стоукс, – позвала она бледного дворецкого, который стоял у входа в бальный зал.

– Да, мадам? – спросил он, делая шаг вперед.

– Дождь прекратился?

– Да, мадам, хотя земля все еще довольно влажная.

– Спасибо, Стоукс.

– Не хочет ли мадам, чтобы я...

– Я сообщу вам, если мне потребуется дополнительная помощь, благодарю.

Миссис Астор провела Элизабет по узкому коридору в большой, просторный и роскошный сад, с двух сторон окаймленный азалиями, а сзади – ивовой рощицей. Влажный воздух был насыщен ароматом цветов и сладким запахом суглинистой почвы. Они шли по каменной дорожке, мимо рядов лилий, хризантем и гвоздик, пока не достигли центральной части сада – большой клумбы с розами. Поникнув к концу августа, когда цветение уже прошло свой пик, бутоны источали пьянящий, перенасыщенный аромат.

– *Rosa gallica officinalis*¹⁵, – уточнила миссис Астор, рассматривая свои розы. – Мой любимый сорт – старинный и способный многое выдержать, очень похож на меня.

– Но ведь вы совсем не старая.

– Не льсти мне, моя дорогая. Тебе это не идет.

– Эти розы прекрасны, – ответила Элизабет, покраснев.

– Так и есть, хотя они уже миновали свой пик цветения. Итак, моя дорогая, что вы надеялись разузнать о высшем обществе Нью-Йорка?

Застигнутая врасплох ее откровенностью, Элизабет, заикаясь, ответила:

– Ч-что, я не совсем понимаю.

– Нужно всегда показывать уверенность, – сказала хозяйка дома, срывая самую красную розу со стебля, старательно избегая шипов. – Даже если это всего лишь поза, – она понюхала цветок, затем бросила его на землю и пошла дальше. Глядя на раздавленный бутон, Элизабет подумала, что такая женщина может избавляться от людей так же легко, как и от этого цветка.

¹⁵ Роза Галлика лекарственная (лат.) – один из старейших видов роз.

Глава 5

– Совершенно очевидно, что ты здесь против своей воли, – заметила миссис Астор, направляясь в дальнюю часть сада, где под ивами находился каменный пруд с золотыми рыбками. – Но именно поэтому ты меня и заинтересовала.

– Не знаю, по какой причине у вас создалось впечатление, будто я...

Хозяйка рассмеялась, показав крупные, неровные зубы, но довольно крепкие, как и все остальное в ней.

– У меня есть определенная способность читать людей, которая сослужила мне хорошую службу, поскольку все в обществе выставляют себя напоказ. У меня вошло в привычку видеть людей насквозь, и я ясно вижу, что ты не рада находиться здесь.

– Осмелюсь не согласиться...

– Это не обвинение, моя дорогая, просто наблюдение, – сказала она, следя за рыбами, лениво плавающими в своем каменном вольере. Послеполуденное солнце проглядывало сквозь облачный покров, отчего золотистая чешуя облаков мерцала в его бледных лучах. – Посмотри на них, они плавают кругами, – подметила она. – Интересно, им когда-нибудь становится скучно?

– Миссис Астор, я хотела бы опровергнуть, что... – начала Элизабет, но понимала, что ее тон был неубедительным.

– Честно признаться, я восхищаюсь твоим независимым мышлением. Большинство людей мать родную бы продали, лишь бы оказаться приглашенными на одну из моих вечеринок. А ты же выглядишь встревоженной и несчастной, находясь здесь. Это нужно уважать.

Элизабет не могла понять, прикрывал ли ее насмешливый тон гнев и неодобрение или же миссис Астор действительно имела в виду то, что сказала. Ее манеры были настолько безупречно отрепетированы, что было трудно понять ее истинные чувства.

– Полагаю, мне следует попросить, чтобы вы дали положительный отчет о моем званом ужине, однако вы, разумеется, должны писать то, что думаете.

Элизабет собиралась ответить, когда в сад вошел молодой человек лет семнадцати. Высокий и худощавый, с широким лбом, аккуратными бровями и светло-каштановыми волосами. Пышные усы подчеркивали ямочку на подбородке, что придавало его лицу больше мужественности, которой в силу возраста ему могло не хватать. Самой красивой чертой его были глаза: большие, светлые и глубоко посаженные, они придавали его юному облику немного серьезности.

– Что за сокровище ты здесь прячешь? – спросил он миссис Астор.

– Позволь мне представить мисс Элизабет ван ден Брук, – ответила она, поворачиваясь к Элизабет. – Это мой сын, Джон Джейкоб Астор IV.

– Зовите меня просто Джек, – сказал он, направляясь к ним неуклюжей, подпрыгивающей походкой. На нем был полосатый сюртук и брюки в тон, пошитые из качественной и дорогой ткани. Тем не менее он выглядел в них неуклюже из-за своей застенчивой манеры. Парень расплылся в широкой улыбке, демонстрируя те же крупные и неровные зубы, что и у его матери. – Крайне рад с вами познакомиться.

– Мисс ван ден Брук – журналистка, – сказала миссис Астор.

– В самом деле? Она ужасно хорошенькая.

– Не обращай на него внимания, – сказала она Элизабет. – Он еще юн, а молодые люди склоны к нелепому поведению.

– Моя мать никогда не воспринимала меня всерьез, – сказал он. – Для нее я всегда был на последнем месте.

– Уверена, что это не...

– Знали ли вы, что у меня есть четыре старших сестры?

– Перестань болтать, Джек, – сказала его мать. – Я должна вернуться к своим гостям, – она подобрала шлейф своего платья, чтобы он не задел мокрую клумбу с анютиными глазками.

– Я вас провожу, – быстро предложила Элизабет.

– Тогда я присоединяюсь к вам, – заявил Джек.

– Ты не переносишь чаепития, – ответила его мать.

– Я решил начать новую жизнь, – сказал он, протягивая руку Элизабет.

Элизабет провела остаток вечеринки, пытаясь выполнить свою работу, пока Джек ходил за ней по пятам, как влюбленный щенок. И к тому моменту, как она была готова уходить, девушка успела отвергнуть знаки внимания пожилого виконта, пролила чай на герцогиню и была оскорблена пышной светской дамой, которая, как сказал Джек, была «позером с большими амбициями». Несколько раз миссис Астор представляла ее как Элизабет ван ден Брук – «младшую дочь Киндерхука ван ден Брука». Хотя откуда она знала о сестре Элизабет, не говоря уже о проживании ее семьи в округе Колумбия, девушка понятия не имела. Однако женщина не упоминала тот факт, что Элизабет была журналисткой.

К концу вечера Элизабет пришла к выводу, что, несмотря на все деньги и влияние, представители высшего общества очень похожи на всех остальных: мелочные, корыстолюбивые и глупые. Когда она представила эту точку зрения юному Джеку, он запрокинул голову и рассмеялся. Его выступающий кадык энергично подпрыгнул над накрахмаленным белым воротничком.

– На вашем месте я бы не стал публиковать это в печати, – сказал он, стоя в фойе и наблюдая, как Элизабет натягивает перчатки.

– У меня нет намерения делать это. Более того, я понятия не имею, почему сказала вам это.

– Не бойтесь, ваш секрет в безопасности со мной, – сказал он, вручая ей зонтик, который той одолжила мать.

Когда она повернулась, чтобы уйти, в фойе вошла миссис Астор.

– Моя дорогая мисс ван ден Брук, вы покидаете нас так рано?

– Я глубоко сожалею об этом, но у меня есть нужный материал для статьи.

– Ты ни капельки не сожалеешь об этом, и все же это красивая ложь, – миссис Астор взяла ее руку и сжала между своими. – Было очень приятно с тобой познакомиться. Пожалуйста, передай мои наилучшие пожелания мистеру Беннетту. Я знала его отца – такой чудесный человек.

– Передам, благодарю, – сказала Элизабет. Она еще не виделась с богатым и эксцентричным издателем – Джеймсом Гордоном Беннеттом-младшим, не говоря уже о том, чтобы поговорить с ним, хотя ее не удивило, что миссис Астор его знала.

– Скажи ему, что у меня есть великолепное хрустальное пресс-папье в виде совы, которое я приобрела в Париже.

– Если увижу его, то обязательно скажу. – Одержимость мистера Беннетта совами была всем хорошо известна. Он носил запонки и булавки для галстука с совами, и ходили слухи, что он даже держал живых птиц в качестве домашних животных.

– О, и пожалуйста, передай своей матери, что я скоро навещу ее.

– Спасибо, обязательно передам, – сказала Элизабет, взглянув на Джека, который подмигнул ей. Все они были прекрасно осведомлены о значении данного жеста. Правила этикета в «приличном обществе» были жесткими и незыблемыми. Например, миссис Астор, как известно, никогда не «обращалась» к богатой семье Вандербильтов, считая их нуворишами¹⁶ и, следовательно, не заслуживающими внимания со стороны семей «старых денег»¹⁷, таких как Асторы. Таким образом, Вандербильты не считались частью приличного общества. Кэролайн Астор следовало дать разрешение стать самопровозглашенной королевой нью-йоркского общества.

– Я провожу вас до кареты, – сказал Джек.

– Я приехала не на карете, – ответила Элизабет. По правде говоря, у ее родителей карет не было. Они вполне могли себе их позволить, но ее отец считал это несерьезным расходом, предпочитал вкладывать деньги в то, что советовал его двоюродный брат, который работал на Уолл-стрит.

– Тогда я вызову вам кеб, – сказал Джек.

– Я предпочитаю ходить пешком.

– Тогда я...

– Простите меня, – сказала Элизабет, – но сколько вам лет?

– В июле следующего года мне будет семнадцать.

– И, поскольку сейчас август, значит, вам только недавно исполнилось шестнадцать.

Он нахмурился и потянул за узел на своем шелковом галстуке цвета лаванды.

– Как вам известно, джентльменам не следует спрашивать возраст у дам.

– Тогда я сама скажу. Мне двадцать два, что делает меня на шесть лет старше.

– Это не такая уж большая разница.

– Для такого молодого парня, как вы, – да.

Джек вздохнул.

– Девушки моего возраста утомительны. Их волнуют только красивые платья и балы. Почему я должен ждать, когда они повзрослеют?

– Потому что таков порядок вещей.

– Он мне совсем не нравится.

– Есть очень много порядков, которые и мне не нравятся, но миру безразличны наши прихоти.

– Теперь вы говорите, как моя мать.

Элизабет улыбнулась.

– Хорошего дня, мистер Джек Астор, – сказала она, протягивая ему руку.

Он взял ее и поцеловал, затем испытующе посмотрел на нее.

– Возможно, через несколько лет вы измените свое мнение.

¹⁶ Быстро разбогатевший человек из низкого сословия.

¹⁷ Семьи из высокого социального класса, которые смогли поддержать свое богатство на протяжении нескольких поколений.

- Не могу сказать, но уверена, что *вы* точно измените свое мнение.
- Уверяю вас, такого не случится.
- До свидания, – попрощалась Элизабет и свернула на широкую Пятую авеню.
- Надеюсь увидеть вас снова! – крикнул он ей вслед.

Она помахала, не оборачиваясь. Девушка повторяла себе, что его нетерпеливость была лишь проявлением подростковой влюбленности, но, несмотря на это, что-то в юном Джеке Асторе тревожило ее.

Глава 6

Он стоял у окна своей гостиной, глядя на город, раскинувшийся перед ним, как послушный любовник. Его сограждане сновали туда-сюда, полагая, что их жизни важны, что они что-то *значат*. Вытирая пот со лба, неся пакеты, зажатые под мышками, и держа сопливых детей на руках – все они были рабами привычек, условностей, мнений окружающих, думая, что могут управлять своей судьбой. Они трудились, потели, спали и ссорились на грязных, переполненных людьми улицах, потому что верили, что смогут облегчить свою участь, если только будут работать достаточно усердно. Они пересекли пенящиеся, охваченные штормами океаны и суровые, враждебные пустыни, чтобы высадиться на этом берегу, в надежде на будущее, о котором они едва осмеливались мечтать на своей родине. Они прибывали толпами, стаями, стадами, ордами – спасаясь от чумы, голода, преследований и нищеты. И высаживались, запыхавшиеся и измученные, в шумном порту Нью-Йорка.

Надежда на новое начало заложена в самом названии города – Нью-Йорк. Они считали, что, прибыв сюда, обеспечат себе светлое будущее. Но ему было виднее.

Налив себе чашку ромашкового чая, он отпил из хрупкой фарфоровой чашки с крошечными розовыми цветами, пока Клео терлась о его ногу. Он наклонился, чтобы почесать ее за ушками, и она лизнула его палец своим шершавым языком.

Город, который, как они верили, принял их, на самом деле пережевывал их и выплевывал, как ненужный мусор. Никакая упорная работа, усилия, амбиции и доброжелательность не помогут добиться успеха в городе, в котором так много зла и коррупции.

Он осознавал все это, и понимание такого положения дел давало ему власть над кроткими овечками, населявшими многолюдные и безжалостные улицы и переулки. Они считали, что такие адские дыры, как Файв-Пойнтс, Руж-Эллей и Уотер-стрит, не соответствовали такому доброму и всепрощающему городу. Но он знал, что они были его сердцем, и то, что там происходило – блуд, азартные игры, воровство, драки, боины, – определяло жизнь в Нью-Йорке. Он был огромным, безличным и высосал бы из вас жизнь, не будь вы осторожными. Или же удачливыми, умными и богатыми. Большинство несчастных душ, которые вышли из переполненных пароходов на его берега, не имели ничего из этого.

Допив чай, он вытер рот накрахмаленной салфеткой из белого льна. Бедолаги за его окном спешили в пивные бары и таверны или же в бакалейные лавки на углу, в которых торговали дешевым спиртным. Они стремились смыть с себя грязь прошедшего дня кружкой эля, рюмкой виски или стаканом джина.

Но он не пил, не курил и не посещал опиумные притоны, спрятанные в тускло освещенном подвале на Мотт-стрит. Он сохранил свое тело незапятнанным, его разум отточен годами привередливой жизни, чтобы вознести его над смердящей толпой и зловонными улицами. Вздохнув, он отвернулся от окна и неторопливо направился на кухню. Всегда верная Клео последовала за ним по пятам.

Нью-Йорк был мрачным, грязным и опасным. И он был его игровой площадкой.

Глава 7

– Что она сказала? – затаив дыхание, спросила мать Элизабет, расхаживая перед эркером, выходящим на Пятую авеню. Элизабет зашла переодеться, и ее рассказ о встрече с миссис Астор привел Катарину в замешательство. Теперь ее мать делала то, что и всегда, когда была взволнована или встревожена, – ходила взад-вперед, заламывая руки. – Скажи мне точно, что она сказала! Не утаивай ничего.

– Что она скоро зайдет к нам.

– Ты совершенно уверена, что она произнесла именно эту фразу – что скоро *зайдет* ко мне?

– О, мама, неужели ты думаешь, что я не знаю значение этого слова?

– Нет, – сказала Катарина. – Но ты *совершенно* уверена...

– Не спрашивай меня об этом снова.

– Какой она была?

– Притворялась более суровой, чем есть на самом деле. И гораздо более мудрой, чем люди о ней думают.

– Да-да, – сказала Катарина, заламывая пальцы. – Но что насчет ее одежды, манер? Действительно ли ее драгоценности так прекрасны, как говорят? Ее дом действительно такой величественный, как все утверждают?

– Я должна вернуться в редакцию «Геральд», – сказала Элизабет, натягивая перчатки. Увидев их, ее мать нахмурилась.

– Элизабет, это хлопок?

– Полагаю, смесь хлопка и шелка.

– Почему бы тебе не надеть что-нибудь получше? Ты ведь можешь позволить себе носить лайковые перчатки. Например, те, которые я подарила тебе на прошлое Рождество.

– Потому что сейчас лето, а я не люблю душную одежду.

Катарина покачала головой.

– Так люди будут расценивать твой социальный статус, как низкий...

– Ну и *пусть*, – воскликнула Элизабет. – Может, таким образом люди будут более охотно разговаривать со мной, если посчитают, что я ближе к ним по социальному статусу.

– Надеюсь, ты проявляешь некую осмотрительность в отношении того, с кем общаешься, – сказала ее мать, надменно шмыгнув носом.

Элизабет в отчаянии всплеснула руками.

– Я – *журналистка*, мама! Я не собираюсь провести остаток жизни, посещая вечеринки высокомерных светских дам...

– Не понимаю, что в этом ужасного.

– То, что снаружи огромный, бескрайний и полный приключений мир, – сказала Элизабет дрожащим от волнения голосом. – И я собираюсь изучить его настолько, насколько смогу.

– Тебе следует больше заботиться о своей безопасности, моя дорогая, – сказала Катарина, похлопав ее по руке. – Мир гораздо опаснее, чем ты, похоже, считаешь.

– Из-за таких установок женщины и лишаются возможности прожить полноценную и захватывающую жизнь! – нетерпеливо воскликнула Элизабет.

– Захватывающая жизнь – совсем не та, какой ты ее считаешь, Элизабет. Ты думаешь, что знаешь все, поскольку училась в колледже. Но это не так, и мне больно говорить тебе это.

– Я не утверждаю, что знаю все, мам. Я лишь хочу, чтобы мне позволили жить своей жизнью, без груза старых ценностей, сдерживающих меня.

Ее мать ничего не ответила, и Элизабет испугалась, что ранила ее гордость. Катарина была щепетильна в вопросе своего возраста, и ей только что напомнили, что они принадлежат к разным поколениям. Она казалась застигнутой врасплох, безмолвно уставившись в пол.

– Не сердись на меня, – мягко произнесла Элизабет, быстро целуя ее в щеку. – И спасибо тебе за платье. Оно прекрасно – даже миссис Астор так сказала. – Это замечание, разумеется, было ложью, и Элизабет была немного шокирована, что произнесла его.

Лицо Катарины просветлело, но, прежде чем она смогла ответить, Элизабет вышла за дверь. Злясь на себя за то, что придумала глупую ложь, чтобы успокоить чувства своей матери, она вздохнула и покинула дом. Ожидая карету перед городским особняком родителей на Пятой авеню, Элизабет слышала звуки этюда Шопена, доносившиеся из гостиной. Она узнала в нем ноты опуса 10, номер 4, и мастерство ее матери в этом сложном произведении захватывало дух. Элизабет слушала, как ее мама виртуозно исполняет композицию в престоиссимо¹⁸ и легко справляется с грохочущими басами октавы – несмотря на свою хрупкую фигуру и маленькие руки. Катарина играла на пианино энергично и задорно, как какой-нибудь мужчина-виртуоз. И снова Элизабет удивилась, как кто-то может быть таким одаренным и в то же время столь старомодным.

Элизабет добралась до редакции «Геральд» вскоре после того, как почти все работники разошлись на полуденную трапезу, которая могла длиться часами в такой неспешный день без новостей. Обычно в подобные дни мужчины направлялись в ближайший устричный бар, в котором предлагали дешевый эль на разлив в больших количествах. С облегчением обнаружив, что в офисе тише, чем обычно, Элизабет устроилась за своим угловым столом на третьем этаже с видом на Уильям-стрит. Деревья вдоль улиц выглядят поникшими в разгар позднего лета: листья сухие и увядающие, словно им не терпится сдаться порыву осеннего ветра.

Ей дали это место в кругу репортеров, спрятанное за колонной, рядом с маленьким, довольно грязным окном, потому что до этого здесь никто не хотел сидеть. Однако ей нравился этот укромный уголок оживленного отдела новостей. Она дорожила относительным уединением, так же как и потрепанным, подержанным письменным столом со скрипучими ящиками и поцарапанной поверхностью. Может, он и старый, но зато сделан из хорошего тяжелого дуба. Такой же прочный и надежный, как старый друг. Быть независимой женщиной-специалистом захватывало. Ей не хотелось подражать комфортной, бесцельной жизни матери, наполненной вечеринками, зваными ужинами и бесконечными прогулками по популярным музеям и модным бутикам. Несмотря на свою одаренность и красоту, Катарина ван ден Брук была тенью своего мужа, такого же красивого и талантливого, и все же его тенью. Элизабет подозревала,

¹⁸ Музыкальное произведение или его часть, исполняемая в быстром темпе.

что из-за отсутствия цели в жизни ее мать и стала непостоянной и взвинченной, которую заботил только социальный статус.

Закрыв жалюзи, чтобы заслониться от ослепительного дневного солнца, Элизабет села писать свою статью. Если во время написания новостей она могла достаточно хорошо сконцентрироваться, то мир вокруг нее переставал существовать и она даже не замечала, как течет время. В других случаях слова не приходили, и она боролась с беспокойством и желанием заняться чем-то другим.

Сегодня был один из хороших дней – карандаш в ее руке летал по странице, не поспевая за быстро вращающимися мыслями. Писательство представляло собой ряд откровений и ознаний в лучшем их проявлении. Сам процесс изложения впечатлений на бумаге помогал ей понимать свои мысли и чувства. Будто сама статья не только извлекала факты и наблюдения из ее головы, но и создавала их в процессе.

Час спустя она все еще сидела, сгорбившись, над своей работой, когда ее коллеги, пошатываясь, вернулись после обеденной трапезы с сонными глазами и полными пива и устриц животами. Фредди Эванс неторопливо вошел в комнату и плюхнулся за свой стол, который стоял рядом с ее.

– Добрый день, мисс. Не видел вас весь день. – Штатный фотограф «Геральд» Фредди был невысоким и мускулистым, с густой копной волос песочного цвета. Все его лицо покрывали веснушки, отчего почти не был виден натуральный цвет его кожи. Сегодня его лицо было розовее, чем обычно, – без сомнения, результат обеда в пивном пабе «У МакКалистера», любимом месте многих, кто работал в Печатном дворе. Фредди был неплохой: он любил разыгрывать из себя негодяя, но был добродушным и благонамеренным, без какой-либо злобы, которую некоторые из ее коллег проявляли по отношению к ней. Он был родом из лондонского Ист-Энда, и его самоуверенная, непринужденная манера держаться противоречила тому факту, что он был очень хорошим фотографом.

– Я была на вечеринке в саду, – сказала она.

– Неплохо, – сказал он, убирая прядь волос со лба. Выгоревшие на летнем солнце за несколько месяцев, его волосы приобрели цвет и структуру соломы. – И где проходила вечеринка?

– У Асторов.

– О-о-о, разве вы не важная особа? – сказал он, откидываясь на спинку стула так сильно, что тот чуть не опрокинулся.

– Нет, друг мой, она больше аристократка, – раздался голос у них за спиной. Элизабет подняла глаза и увидела приятеля Фредди – Тома Баннистера. Высокий и жилистый, лицом Том напоминал собаку породы бассет-хаунд: у него были мешки под глазами, хотя ему было всего двадцать семь. Родом из Йоркшира, он приехал из Лондона вместе с Фредди после нескольких лет работы в «Гардиан» – самой либеральной газете страны. «Геральд» вряд ли можно было назвать прогрессивной газетой, тем не менее определенный престиж у нее был. Если не считать того, что Том выпивал слишком много эля за обедом, он был одним из самых трудолюбивых фотографов газеты. Они с Фредди по-дружески соревновались и, когда не работали, редко проводили время не вместе.

– Том прав, – сказал Фредди, улыбаясь Элизабет. – Вы больше аристократка, ведь так? – В «Геральд» ни для кого не было секретом, что она происходила из знатной старинной семьи со средствами, и слово «особа» было жаргоном для такого человека. «Особы» принадлежали к нуворишам, и, поскольку они заработали свое богатство совсем недавно, нью-йоркская элита не слишком высоко ценила их. Ярким примером были Асторы и им подобные.

– Аристократка? Она? Сомневаюсь в этом, – все трое обернулись и увидели Саймона Снида, крадущегося к ним. – Чтобы быть аристократкой, нужно принадлежать к высшим сословиям, – сказал он, скрестив руки на груди и скривив губы в усмешке.

– Что вы знаете о сословиях, Снид? – сказал Том, и его бледное лицо стало темно-пунцовым. – Я слышал, ваша мама была посудомойкой.

Снид сделал шаг к нему.

– На вашем месте я бы извинился за это замечание. Конечно, если вы не хотите, чтобы ваше лицо подправили. Хотя, на мой взгляд, вам бы это не помешало.

Том не дрогнул, хотя Элизабет видела, как подергивались его пальцы, а кадык подпрыгивал вверх-вниз, словно пружинка.

Фредди протиснулся между Томом и Саймоном Снидом, сжав кулаки.

– Сначала вам придется пройти через меня, Снид, – спокойно сказал он. Будучи на несколько сантиметров ниже Снида, Фредди был сложен как бульмастиф: в сравнении с его массивными мускулистыми плечами шея казалась совсем маленькой.

– С удовольствием, если вы соблаговолите выйти, – также спокойно ответил Снид.

– Что здесь происходит? – потребовал Карл Шустер, входя в комнату. Он направился к ним, его большие ноги тяжело ступали по голому деревянному полу.

– У нас просто была небольшая дискуссия, – ответил Снид.

– Это правда? – спросил редактор, поворачиваясь к Фредди.

– Да, шеф, – ответил Фредди. – Это просто обычная дискуссия.

– Что ж, займитесь этим в свое свободное время, – нахмурившись, ответил Шустер. – Вы уже закончили свою статью? – спросил он Элизабет. – Нам нужно поместить ее в завтрашний выпуск, иначе «Сан» нас обгонят.

– Репортер «Сан» также присутствовал у Асторов? Я не видела...

– Просто принесите мне ее к четырем, хорошо? – сказал он, выходя из комнаты не оглядываясь.

– Увидимся с вами позже, – сказал Снид Фредди, прежде чем неторопливо уйти.

– Надеюсь, нет, – пробормотал Фредди. Когда Снид ушел, он повернулся к Элизабет, ухмыляясь. – Не беспокойся о таких, как он, пока я рядом.

Элизабет улыбнулась. Она считала Фредди милым: в нем сочетались хвастовство парня из Ист-Энда и мальчишеское обаяние. С того момента как она появилась в «Геральд», он взял на себя роль защитника, проявляя в равной степени гордость и высокомерие. Несмотря на свою решимость излучать уверенность, Элизабет успокаивалась в его присутствии.

Вернувшись к своей работе, она сосредоточилась на том, чтобы закончить статью, сдав ее за пятнадцать минут до крайнего срока. Ее мысли были совсем в другом месте: ей не терпелось уйти из «Геральд» и вернуться в квартиру на третьем этаже в Бауэри. Надев шляпку и перчатки, она быстро спустилась по мраморной лестнице на первый этаж и вышла на улицу, где светило послеполуденное солнце. Дождь прекратился, но с земли начал подниматься туман, отражая золотистый свет на влажных булыжниках, пока Элизабет быстро шла к железнодорожной станции «Парк-Роу».

Глава 8

Час пик еще не наступил, поэтому в поезде было не так многолюдно, и Элизабет заняла место у окна, глядя в него на клубы дыма, поднимающиеся из-под локомотива, пока поезд, пыхтя, мчался в центр города. Воздух был густым от сажи и пепла, и она видела, как ее мать качает головой, озадаченная ее выбором транспорта: «Такой грязный и вонючий! С какой стати кому-то, кто может позволить себе комфортно передвигаться, хотеть...»

Ее размышления были прерваны витриной магазина с коваными перилами и старомодной надписью:

Hermann Weber – Metzger

Feines Fleisch

Ее немецкий был достаточно хорошим, чтобы понять, что написано на вывеске: «Герман Вебер – мясник. Наивкуснейшее мясо». Она быстро встала и чуть не упала на пол, когда машинист резко затормозил перед следующей остановкой.

Выйдя из поезда, она направилась обратно к магазину. Эта часть Бауэри находилась на южной окраине района, известного как Маленькая Германия, или *Kleindeutschland*, где проживало самое большое количество немецких иммигрантов. Более зажиточные люди обитали к северу от Хьюстона, но чем ближе вы продвигались к центру города, тем больше могли заметить, как бедность сковывала людей в тиски. Белье висело на веревках, натянутых поперек аллей и балконов. Дети с невымытыми лицами, оставленные матерями без присмотра, пока те страдали от гнета ежедневных обязанностей, сновали по подъездам. Звуки плача младенцев и лая собак соперничали с грохотом проносившегося мимо вагона поезда, извергающего дым и сажу в загрязненный воздух. Такова была жизнь бедных работяг в Нью-Йорке, и Элизабет страстно хотелось писать о них, а не об избалованных павлинах Пятой авеню.

Высокий мужчина в холщовом фартуке и котелке стоял перед мясной лавкой, покуривая трубку с замысловатой резьбой. У него были усы, похожие на щетку для обуви – темные, густые и пушистые, – а рукава рубашки, закатанные до локтей, обнажали мускулистые предплечья. На вид ему было чуть за сорок, отчего этот мужчина с властным видом напомнил Элизабет самого мистера Вебера. Рыжая кошка обвила своим гибким телом его голень, приподняв хвост

и держа глаза полужакрытыми – воплощение кошачьей безмятежности. У многих магазинов города были свои усатые друзья, и Элизабет с трудом могла представить себе лучшую жизнь для животного, чем в мясной лавке. Она позавидовала этому простому счастью.

Светский этикет запрещал уважаемой молодой леди приближаться к незнакомому мужчине на улице. Глядя в темное окно третьего этажа, она размышляла, что делать, как вдруг мясник постучал своей трубкой о железный поручень, вытряхнул остатки пепла и вернулся в свою лавку.

Элизабет посмотрела на квартиру на третьем этаже, но не увидела никакого движения за темными окнами: в ней не прослеживалось признаков жизни. Она уже собиралась войти в мясную лавку, когда услышала позади себя шипение:

– Псс, мисс! Сюда, мисс!

Обернувшись, она увидела женщину неопределенного возраста, с бугристой кожей и пронизательными темными глазами. Ей могло быть как сорок, так и восемьдесят лет. Пьянство и разгульная жизнь уже сказались на ней, сделав кожу тусклой, а кости истонченными. Она стояла перед салуном «Запойная ворона» через две двери. Таких заведений на Бауэри было множество, часто по три и более на квартал.

Одетая во все черное, с выдающимся тонким носом и острыми скулами, женщина напомнила Элизабет ворону. И вправду, при каждом шаге в ее сторону женщина проявляла настороженность, подобно птице: начала оглядываться по сторонам, быстро вертя головой, словно проверяла, нет ли опасности. Ее настороженность казалась излишней. Все на улице, казалось, были поглощены своими делами, спеша, как типичные жители Нью-Йорка. Считалось, что людям, приехавшим в город из других мест, хватало всего месяц, чтобы начать быстрее ходить, быстрее говорить и даже быстрее есть и пить.

Она пристально посмотрела на Элизабет.

– Вы выглядите, как та молодая леди.

Элизабет почувствовала запах алкоголя в ее дыхании: дешевого зернового виски, такого, от которого у вас разъедаются внутренности и гниют зубы.

– Какую юную леди вы имеете в виду?

– Ту, которая жила там, на третьем этаже, в квартире, на которую вы смотрели.

– Вы ее знаете?

– Знала. Ее больше нет, – сказала женщина, громко рыгнув. Кислый запах колбасы и лука исходил из ее грязного рта.

– Куда она уехала?

Женщина приблизила свое лицо так близко к лицу Элизабет, что та могла отчетливо разглядеть каждый бугорок. Ее кожа напоминала изрытую кратерами поверхность Луны.

– О-о-она ис-с-чезла, – сказала женщина, невнятно выговаривая слова. – Сегодня утром, а сейчас в комнатах пусто. Все ее вещи исчезли. Даже не сказала «пока».

– Откуда вы знаете?

– Домовладелец иногда нанимает меня убирать. Сказал, чтобы я прибралась для нового жильца, кто-то завтра переедет.

– Что произошло?

– Что-то плохое.

– Что именно?

– Не знаю, но вы ни от кого здесь не получите ответа.

– Почему?

Женщина посмотрела на мясную лавку.

– Я думаю, им кто-то заплатил.

– Кто?

– Не знаю, но сегодня утром я видела старину мистера Вебера с изрядной суммой наличных. Их было так много, что он закрыл магазин в полдень, чтобы пойти в банк.

– Может быть, он просто продал сегодня утром много мяса?

Женщина рассмеялась, что вызвало приступ кашля.

– Может, вам дать воды? – предложила Элизабет.

– *Воды?* Эта дрянь вас убьет, – сказала она, рассмеявшись так громко, отчего еще сильнее закашляла. Наконец она ударила себя в грудь, затем откашлялась и выплюнула огромный комок мокроты в грязную сточную канаву.

Борясь с желанием подавить рвотный позыв, Элизабет глубоко вздохнула.

– У вас есть какие-нибудь предположения, кто дал ему эти деньги?

– Возможно, – сказала женщина с лукавой улыбкой. – Например, за определенную плату. Элизабет порылась в сумочке и достала пятьдесят центов. Едва она достала их, как женщина жадно выхватила деньги из ее рук.

– Вот так, милая. Грэмми Нэгл нужно поесть.

– Вам следует поесть, а не тратить деньги на виски.

Женщина сунула монеты в карман своего поношенного пальто.

– Не волнуйтесь насчет Грэмми, милая. Она сама о себе позаботится.

– Грэмми – это ваше имя?

– Мое настоящее имя Матильда, но все зовут меня Грэмми.

– Что ж, Грэмми, кто дал мистеру Веберу денег?

– Я не разглядела его лица, но могу сказать, что он был высоким и крепко сложенным.

– А что насчет его одежды?

– Она была достаточно приличной. На нем был темно-бордовый сюртук и брюки в серую полоску и чесаная шляпа. Но что меня больше всего поразило, так это то, что обувь была чистой, будто он никогда не ходил по этим улицам, – добавила она, указывая на булыжники, забрызганные конским навозом, апельсиновыми корками, окурками сигар и прочим мусором. Казалось, даже знаменитые чистоплотностью немцы не смогли содержать свои улицы в чистоте в Нью-Йорке.

Упоминание Грэмми о темно-бордовом сюртуке привлекло внимание Элизабет.

– Вы видели, как он давал мистеру Веберу деньги?

– Не совсем... но он зашел в магазин с сумкой и вышел без нее. Многие же люди заходят в мясную лавку, чтобы что-нибудь купить, верно?

– Возможно, у него были другие дела.

Грэмми пожала плечами.

– Я знаю лишь то, что позже мистер Вебер закрыл магазин и направился в банк, и, похоже, он очень спешил.

– Спасибо вам, миссис...

– Зовите меня Грэмми. Вам еще что-нибудь нужно знать? – спросила она, облизывая губы.

– Нет, спасибо, – сказала Элизабет, давая ей еще пятьдесят центов.

– Благодарю! – заявила она, кладя деньги в карман. – Если я вам снова понадобится, вы знаете, где меня найти.

Элизабет наблюдала, как Грэмми проскользнула обратно через боковую дверь, или «дамский вход», в «Запойную ворону». Ей было интересно, где бедная женщина спала по ночам, если она вообще спала. Накинув на плечи пиджак, Элизабет направилась в мясную лавку Германа Вебера в поисках дополнительных ответов. Взгромоздившись на перекладину газового фонаря, одинокая ворона смотрела на нее сверху вниз своими черными глазами-бусинками.

Память мясника оказалась удручающе плохой – либо так, либо, как подозревала Элизабет, он что-то скрывал.

– *Nein, Ich habe keinen solchen Mann gesehen*, – сказал он, когда она спросила его о хорошо одетом мужчине, которого описала Грэмми. – Сегодня такой человек не приходил.

– Возможно, ваш помощник встречался с ним?

– У меня нет помощника, – сказал он, вытирая свои большие, запачканные кровью руки окровавленным полотенцем.

На протяжении всего их разговора он оставался неизменно любезным, что для Элизабет было не столько дружелюбием, сколько фасадом, призванным развеять ее подозрения. Она ушла с отчетливым ощущением, что ей солгали. Но она не знала – почему.

Глава 9

Пока Элизабет возвращалась домой, уже взошла желтая августовская луна, а солнце медленно опускалось за Норт-ривер. Она решила прогуляться пешком, направляясь в центр города вдоль улицы Бауэри, пока та не начала разветвляться на Третью и Четвертую авеню у Купер-сквер. Как и любая другая «сквер»¹⁹ в Нью-Йорке, за исключением Томпкинс-сквер-парк, она была далека от геометрической формы, предполагаемой ее названием. На самом деле эта улица представляла собой кривую трапецию, в начале которой возвышался величественный Купер Юнион, где Авраам Линкольн произнес волнующую речь, которая позже помогла ему стать президентом. Она не могла пройти мимо здания, не вспомнив о той ночи. И хотя ей тогда было всего два года, ее отец присутствовал на церемонии, и его глаза до сих пор загорались, когда он говорил о том дне.

Пройдя по Четвертой авеню, она подошла к Юнион-сквер, где в сумерках поблескивала статуя Линкольна – суровая и высокая. Хотя Линкольн пал от пули наемного убийцы семь лет назад, Элизабет все еще помнила унылое состояние отца. После этого он несколько дней сидел, уставившись в окно, и мотал головой всякий раз, когда ее мать требовала, чтобы он поел. Катарина была непостоянна и подвержена эмоциональным вспышкам, однако Элизабет всегда считала своего отца уязвимым человеком и иногда задавалась вопросом, не передал ли он свою тревожность ее сестре.

Она подумала о том, чтобы навестить Лору прежде, чем отправиться домой, но волна усталости убедила ее в обратном. Испытывая укол вины, она продолжила путь на север, к Стайвесанту, по 18-й Ист-стрит. Поднимаясь в свою квартиру на третьем этаже, она встретила спускающуюся по лестнице невысокую молодую женщину. Маленький черно-белый терьер трусил за ней.

– Здравствуйте! – поприветствовала она ровным и холодным, как вода, голосом.

– Добрый вечер, – вежливо ответила Элизабет, продолжая подниматься по лестнице.

– Я вас раньше не видела, – сказала женщина. Она была одета как представительница богемы: в длинную цветастую юбку и свободную белую блузку с длинными рукавами и искусной ручной вышивкой. Толстые золотые браслеты охватывали ее тонкие запястья, а с ушей свисали золотые серьги в форме кольца. Ее темные волосы были длинными и распущенными,

¹⁹ Square – квадрат (англ.).

а губы и щеки казались искусственно розовыми в тусклом освещении лестничной клетки. – Вы здесь живете? – спросила она, убирая прядь волос с лица.

– Я живу на третьем этаже, – ответила Элизабет.

– Как здорово – моя студия на пятом.

– О, так вы художница? – Пятый этаж был отведен под мастерские художников, но Элизабет еще ни с кем из них не встречалась.

– Вообще-то скульптор. Я немного рисую, но мне нравится ощущать глину между пальцами. А вы? Держу пари, вы писательница.

– Я журналистка газеты «Геральд».

– Я так и знала! Без сомнения, в ящике вашего стола лежит роман?

– Вовсе нет. Я увлекаюсь поэзией, но...

– Вы всегда хотели написать роман, «роман с ключом»²⁰, но боитесь, что это может оскорбить ценности вашей семьи.

Элизабет рассмеялась.

– Я боюсь лишь оскорбить читателей своим низким уровнем мастерства.

– Так вы действительно работаете над романом... превосходно!

Такая настойчивость из уст любого другого могла бы показаться дерзостью, однако живость и ум этой молодой девушки настолько привлекали, что Элизабет было невозможно обижаться на нее.

– Меня зовут Карлотта, – сказала она. – Карлотта Аккерман.

– Элизабет ван ден Брук.

– Очень рада с вами познакомиться, – сказала она, беря Элизабет за руку. Ее рука была теплой и сильной, кожа несколько шершавой. – Вы знали, что вдова генерала Кастера живет на втором этаже?

– Да, мне это уже говорили.

– И сам Калверт Во – дизайнер Центрального парка! Вы его знаете?

– Боюсь, что нет. Я живу здесь совсем недавно.

– Я думаю, это просто великолепно... Вы можете себе представить?

Это был открытый вопрос, который, казалось, не требовал ответа, поэтому Элизабет просто кивнула.

– Что ж, не буду вас больше задерживать. Пойдем, Тоби! – сказала мисс Аккерман терьеру, который терпеливо сидел у ее ног. – Приятно было познакомиться с вами, Элизабет ван ден Брук.

– Взаимно, – сказала Элизабет, продолжая свой путь.

– Тогда до завтрашнего утра – жду вас ровно в семь часов на ступенях у музея Метрополитен. Не опаздывайте!

Элизабет остановилась, положив руку на перила.

– Прошу прощения?

– Мне нравится гулять с Тоби в парке. А Метрополитен – хорошее место для встреч.

– Я не...

– Каждый нуждается в ежедневном отдыхе. Он творит чудеса с вашим цветом лица.

– Но я...

– Я принесу бейгл.

– Что это?

– Вот увидите, они вам понравятся! Увидимся завтра! – сказала она, быстро спускаясь по лестнице вприпрыжку, ее маленькая собачка бодро трусила за ней.

²⁰ Романы, в которых герои были зашифрованы за реальной исторической личностью или мифологическим персонажем. К такому роману обычно прилагался список, где были пояснения, какой персонаж кого символизирует.

Элизабет постояла немного, прислушиваясь к ее удаляющимся шагам, прежде чем подняться на последний этаж в свою квартиру. Она понимала, что только что встретила необычного человека, но не имела ни малейшего намерения заводить с ней дружбу, не говоря уже о том, чтобы вставать для этого на рассвете.

И все же, когда ранним утром следующего дня первые лучи солнечного света пробились сквозь щель в ее розовых дамасских занавесках, она поняла, что совершенно не хочет спать, пока глядела в потолок. Перекатившись на бок, она натянула одеяло на голову, но это было бесполезно. Раздраженная, она свесила ноги с края кровати и сунула ступни в меховые тапочки – подарок матери на первый год учебы в Вассаре.

Быстро умывшись, Элизабет оделась и через тридцать минут вышла за дверь. На этот раз она воспользовалась кебом – было достаточно рано, чтобы улицы еще не были забиты экипажами, тележками с молоком, трамваями, запряженными лошадьми, и пешеходами. Гладкошерстный каштановый мерин бодрой рысью неся по Парк-авеню. Было чуть больше семи часов, когда они свернули на запад, на 72-ю улицу. Через несколько минут они остановились перед входом в музей на Пятой авеню.

– Он откроется только через два часа, мисс, – сказал извозчик, когда Элизабет расплачивалась с ним.

– Я кое с кем встречаюсь.

– Хотите, я подожду, мисс?

– Нет, спасибо, – ответила она, заметив одинокую фигуру с собакой перед громоздким зданием в стиле неоготики. Извозчик приподнял шляпу и уехал, а Элизабет поспешила к Карлотте.

Тоби залаял, натянул поводок и завилял маленьким хвостиком, когда Элизабет приблизилась. Карлотта помахала ей рукой.

– Я уже начала бояться, что ты не появишься.

– Я сама не думала, что приду.

– Ты бы упустила шанс попробовать это, – сказала Карлотта, протягивая ей маленький, еще теплый сверток, завернутый в вощеную бумагу.

– Что это?

– Бейгл, разумеется! С маком и маслом, – добавила она, когда Элизабет развернула его, вдыхая мягкий дрожжевой аромат.

– Он похож на гигантский пончик.

– Но совсем не такой сладкий. Попробуй.

– Ммм, – сказала она, откусывая кусочек. – Откуда они взялись?

– Родом из Польши, но это из пекарни моей семьи на Орчард-стрит. Это основной продукт еврейской кухни. Надеюсь, тебя не беспокоит, что я еврейка? – спросила она в своей обычной откровенной манере.

– Конечно нет. Я бы никогда...

– Тогда пойдем, – прервала ее Карлотта, запихивая свой бейгл в сумку, которую она перекинула через спину. – В этот час парк будет в нашем полном распоряжении.

Жуя бейгл, Элизабет последовала за ней вдоль южной стены музея в парк. Роса на траве искрилась в лучах утреннего солнца, как крошечные бриллианты, а воздух был наполнен птичьим пением. Ее мрачные мысли о прошлой ночи испарились вместе с туманом, поднимавшимся с лугов, когда они направлялись в глубь парка.

– Тоби здесь нравится, – сказала Карлотта, когда пес заметался, засовывая нос в кусты, живые изгороди и норы. – Что это? – спросила она, когда они приблизились к строительной площадке позади музея, где аккуратными кучками были сложены горы выкопанной земли. – Они расширяют музей?

– О, это, должно быть, место установки обелиска, – сказала Элизабет.

– Обелиск?

– Разве ты не слышала об Игле Клеопатры?

– Возможно, я что-то читала об этом, – беззаботно сказала Карлотта, когда Тоби отправился исследовать заманчивые холмики грязи.

– Это древнеегипетский обелиск. Такой есть в Париже, и три года назад подобный установили в Лондоне. И вот, теперь он будет и у нас.

– Зачем?

– Судя по тому, что я прочитала, это жест благодарности от Каира.

– Интересно, не проклят ли он, – сказала Карлотта. – Какая огромная яма, – добавила она, когда они приблизились. Территория была оцеплена простым забором, сделанным из красной веревки, намотанной на деревянные колья, воткнутые в землю.

– Сомневаюсь, что эта веревка действительно кого-то отпугивает, – размышляла Элизабет, пока они осматривали строительную площадку. Яма была все еще довольно неглубокой, около шести футов глубиной, но дно скрывалось в глубокой тени, невидимое из-за косых лучей утреннего солнца. Когда они обошли дом с другой стороны, Тоби начал яростно лаять из-за кучи грязи.

– Тоби! – позвала его Карлотта, но он проигнорировал ее. Его лай становился все громче и настойчивее, перемежаясь рычанием. – Тоби, да что ж такое... – сказала она, следуя за ним.

Когда она шагнула за кучу земли, собака внезапно замолчала. Элизабет услышала удивленный вскрик Карлотты, а затем звук, похожий на падение тела на землю.

– Карлотта? Карлотта! – закричала Элизабет, но ответа не последовало. В панике она бросилась на другую сторону кучи земли и увидела Карлотту на земле в состоянии, похожем на глубокий обморок. Тоби стоял над ней, неистово облизывая ее лицо.

Когда Элизабет опустилась рядом с ней на колени, что-то на дне ямы привлекло ее внимание. Прикрывая глаза от солнца, она посмотрела вниз на объект, теперь хорошо заметный под этим углом. У нее перехватило дыхание, когда она увидела, что это было. Сначала она подумала, что у нее, должно быть, галлюцинация, но потом поняла, что Карлотта и Тоби тоже это видели.

На дне недавно вырытой ямы лежало тело, очень напоминающее нетронутую египетскую мумию, завернутую в белую ткань.

Глава 10

– Значит, ты тоже это видишь, – сказала Карлотта, садясь и стряхивая траву с волос. – Это не мираж.

– Нет, если только у нас обеих не галлюцинации, – сказала Элизабет, помогая ей подняться на ноги. – С тобой все в порядке?

– Я просто упала в обморок. Пустяк.

– Ты должна быть осторожней.

– Уверю тебя, я в полном порядке.

– У тебя может быть какое-то заболевание...

– Пожалуйста, воздержись от продолжения этого расследования. У нас есть кое-что гораздо более неотложное, с чем нужно разобраться, – сказала Карлотта, глядя на мумию сверху. Тоби выжидающе посмотрел на нее, нетерпеливо виляя хвостом. – Это похоже на женщину. Как думаешь, это реально?

– Возможно, это розыгрыш, – сказала Элизабет, опускаясь на колени рядом с ямой. – Но есть только один способ выяснить это. Помоги мне, пожалуйста.

– Ты не... Нет, ты не можешь!

– Могу и сделаю это.

– Но мы должны сообщить в полицию.

– И мы так и сделаем. Но сначала я хотела бы взглянуть поближе.

– Ты же на самом деле не веришь, что там... *тело*, правда?

– Если так и есть, то это история, от которой мой редактор не сможет отказаться. Руку, пожалуйста.

Карлотта помогла ей спуститься в яму, которая оказалась на удивление холодной и сырой. *Как в могиле.* Элизабет вздрогнула, шагнув к неподвижной фигуре в белом. По мере приближения к ней убежденность в том, что это розыгрыш, – таяла. Чем ближе она подходила, тем больше силуэт походил на настоящее тело.

– Будь осторожна! – окликнула ее Карлотта. – Оно может быть переносчиком любых заболеваний. – Элизабет оглянулась на них, когда Тоби снова начал лаять. Карлотта схватила его за поводок: – Помолчи, Тоби! – терьер повиновался, послушно примостившись рядом с ней, но его тело нетерпеливо подалось вперед.

Элизабет с трудом сглотнула и склонилась над неподвижной фигурой. Она была почти уверена, что мумия внезапно оживет. И подумала, что, если это произойдет, то она тоже упа-

дет в обморок. Наклонившись, она нерешительно коснулась ее плеча. Оно было холодно, как камень. В неподвижных конечностях не чувствовалось ни малейшего признака жизни. И вдруг девушка осознала то, во что отказывалась верить, – она находилась в присутствии недавно умершего человека. Также было ясно, что тело принадлежало женщине.

Она опустилась на колени рядом с ней и обхватила ладонью ее руку. Она была как марионетка: на плоти начинали появляться трупные окоченения, а признаки живого человека – исчезать. Слегка кисловатый запах с легким привкусом сладости, исходящий из-под матерчатой обертки, не оставлял никаких сомнений. Когда до нее дошло осознание всей ситуации, она отшатнулась, ее желудок сжался в непроизвольном позыве к рвоте.

– Ну? – спросила Карлотта. – Что это?

Элизабет сглотнула, к горлу подступила желчь.

– Мы должны сообщить в полицию... сейчас же.

Час спустя две женщины стояли под зонтиком, который держал патрульный, в то время как небольшая группа полицейских осторожно фотографировала носилки с телом. Погода испортилась, солнечное небо раннего утра сменилось морозящим дождем. Дрожа, Элизабет смотрела, как фигуру, завернутую в белое, на носилках укладывают в полицейскую повозку. Даже лошадь, казалось, чувствовала, какой груз ей придется вести: она ерзала, пока мужчины закрепляли носилки, прежде чем накрыть их клеенкой, дабы защитить от дождя.

За процессом наблюдал детектив-сержант Уильям О'Грейди, который, внимательно выслушав рассказ женщин, попросил их остаться до тех пор, пока тело не будет вывезено. Элизабет неохотно согласилась, но ей все больше хотелось уехать. Она не хотела опаздывать на работу, но еще больше беспокоилась о том, что репортер из конкурирующей газеты может пронюхать об этой истории и опередит «Геральд». Карлотта говорила мало, ее природная жизнерадостность была омрачена тревожностью. Даже Тоби, казалось, утихомирился. Он тихо сидел рядом с Карлоттой, прижавшись своим маленьким тельцем к ее голени.

Проследив за погрузкой тела в повозку, к ним подошел сержант О'Грейди. Мужчина среднего роста, с вьющимися черными волосами и серо-зелеными глазами, был воплощением нью-йоркского полицейского. В его речи прослеживался акцент жителей Изумрудного острова, как и у многих его коллег-полицейских, поскольку большинство из них прибыли из Ирландии. Дождь теперь лил сильнее, капли отскакивали от его клеенчатого плаща и стекали с козырька кепки на кончик носа. Страхнув их, он потер руки друг о друга, чтобы согреться.

– Есть ли еще что-нибудь, что вы, леди, можете вспомнить? Вам случайно не попадались на глаза какие-нибудь сомнительные личности, слоняющиеся без дела?

– Боюсь, что нет, – ответила Элизабет. – В парке не было ни души. Судя по всему, тело положили туда ночью.

– Откуда вы знаете?

– Похоже, по нему прошелся дождь, но земля под ним была сухой.

– Хорошо подмечено, мисс... Простите, напомните, как вас зовут?

– Элизабет ван ден Брук.

Он посмотрел на Карлотту, которая дрожала.

– А вы, мисс...

– К-Карлотта А-А-Аккерман, – ответила она сквозь стучащие зубы.

– Итак, вы что-нибудь заметили, мисс Аккерман? Что-нибудь необычное?

– Н-н-нет.

– Нам нужно отвести ее в теплое место, – сказала Элизабет. – Пока она не заболела.

– Значит, вы живете поблизости? – спросил он Карлотту.

– Н-н-нет. Я живу в центре города.

– Я могу отвезти вас в участок и угостить чашечкой вкусного горячего чая. А также принести тебе несколько одеял.

– А к-к-как же Тоби?

– Ребята хорошо о нем позаботятся. И даже, думаю, накормят больше, чем следует. А как насчет вас, мисс? – спросил он Элизабет.

– Я должна идти. Я уже опаздываю на работу.

– И где же вы работаете, мисс?

– Газета «Нью-Йорк геральд».

Он нахмурился.

– Вы из газеты? – Полиция настороженно относилась к прессе, и это чувство было взаимным, хотя многие репортеры полагались на полицейских информаторов и не гнушались щедро платить им. Конечно, это было строго против правил, тем не менее это было взаимовыгодное соглашение.

– Да. Я репортер, – сказала она.

– Я бы предложил вас подвезти, но нам не по пути.

– Я доберусь сама, благодарю.

Сержант О'Грейди приподнял шляпу и посмотрел на полицейскую повозку. Закрепив тело, его люди выглядели довольно угрюмо из-за непрекращающегося ливня.

– Тогда пойдемте, мисс, – сказал он Карлотте. – Вы можете сесть впереди.

Она повернулась к Элизабет и порывисто обняла ее.

– Будь осторожна. Я зайду к тебе сегодня вечером.

– О, тебе не нужно...

– Не говори глупостей. Я обязательно приду, – твердо сказала Карлотта. Она, казалось, немного оправилась от шока и решительно последовала за сержантом О'Грейди к экипажу. Элизабет проводила их взглядом, прежде чем пересечь небольшое расстояние до Пятой авеню, чтобы поймать кеб. На ходу она несколько раз оглядывалась через плечо и не могла отделаться от ощущения, что ее дрожь вызвана не только дождем.

Глава 11

Элизабет молча сидела, пока кеб, грохоча, ехал по залитым дождем улицам, и смотрела на капли, отскакивающие от булыжников, словно крошечные обезумевшие танцоры. Дождь стер краски с города, размыв острые углы зданий и приглушив постоянный гул и гвалт до низкого гудения.

Импульсивное проявление эмоций Карлотты было трогательным, но Элизабет почувствовала себя неловко из-за такого откровенного жеста со стороны человека, с которым она только что познакомилась. Тем не менее она говорила себе, мол, обстоятельства были чрезвычайными и Карлотта, по понятным причинам, была расстроена. Элизабет сама была взволнована, но чувствовала, что она более эмоционально устойчива, чем Карлотта, которая, казалось, обладала более переменчивым характером.

К тому времени, когда Элизабет прибыла в «Геральд», ливень усилился, и она вошла в здание как раз в тот момент, когда раскат грома потряс улицы Нижнего Манхэттена. Зазубренные блики желтых молний прочертили небо, пока девушка поднималась по мраморной лестнице на второй этаж. Она представила бедную женщину, которую они нашли в Центральном парке, во власти стихии, пока ее тело лежало в импровизированной могиле. И Элизабет была рада, что они с Карлоттой обнаружили ее до того, как разразился шторм.

– Хотя на самом деле ее нашел Тоби, – пробормотала она, подходя к площадке второго этажа.

– Что ты сказала? – произнес чей-то голос, отчего она подняла глаза и увидела Саймона Снида, уставившегося на нее с ухмылкой на своем холеном, гладко выбритом лице. Даже без щетины, как и у большинства других мужчин, у него был весьма угрожающий вид. Без бороды острые линии его подбородка и скул казались более выраженными, что делало его похожим на хищную птицу.

– Ничего. Я просто, э-э, бормотала себе под нос, – ответила она, собираясь обойти его, но он преградил ей путь, и в этот момент громкий раскат грома потряс небеса. Она слегка подпрыгнула, и он придвинулся еще ближе. Она могла видеть поры на его длинном заостренном носу.

– Тебе лучше быть осторожной – некоторые люди могут воспринять это как признак расстройства психики. Насколько мне известно, у тебя в семье есть такие случаи.

Ярость пронзила Элизабет. Откуда он узнал о Лоре? И если уж на то пошло, кто еще в «Геральд» знал? Она боролась с желанием ударить его по лицу, выцарапать ему глаза, столк-

нута с лестницы. Девушка боролась с собой, чтобы не заговориться и не привести задуманное в действие, поэтому хранила молчание. Она прищурилась, глядя на него снизу вверх и скрестив руки на груди, словно провоцируя его заговорить снова. Она чувствовала, как пот собирается у нее под воротником и на ладонях.

Спустя, казалось бы, целую вечность позади нее послышались тяжелые шаги, и она обернулась и увидела своего редактора – Карла Шустера, неуклюже поднимающегося по лестнице. Будучи крупным мужчиной, он шел размеренной походкой, однако его шаги были быстрее, чем обычно, – нехороший знак.

– Вот вы где! – сказал он, нахмурившись. – Где вы были? – спросил он.

– Я объясню, но не здесь, сэр, – твердо ответила Элизабет, немного удивленная собственной самоуверенностью. – Мы можем поговорить в вашем кабинете.

Шустер, казалось, был застигнут врасплох, его голубые глаза расширились от удивления.

– Хорошо, – сказал он, продолжая подниматься по лестнице. Однако, сделав несколько шагов, он остановился и свирепо посмотрел на Снида. – На кой ляд вы устались?

– Ни на кой. Я просто...

– Если вам нечем заняться, то могу найти для вас работу.

– Д-да, сэр, – захныкал Снид. – Я как раз собирался...

– Недостаточно быстро! – взревел Шустер. – Иди куда шел, парень!

Элизабет ухмыльнулась Сниду, когда тот начал торопливо спускаться по лестнице. Проходя мимо, он посмотрел на нее. От его взгляда по спине робкой девушки прошла дрожь, но Элизабет чувствовала некую силу после того, как самоутвердилась перед своим редактором. И лишь следуя за Карлом Шустером в его кабинет, она задумалась, не пожалеет ли потом о проявлении такой смелости.

– А теперь, – сказал Шустер, плюхаясь в свое кресло, – мне нужно поговорить с вами о вашей статье об Асторах.

– Сэр, мне нужно поговорить с вами еще по одному вопросу, – сказала она, стоя перед его столом.

– Во-первых, она была написана чересчур литературно. Все подробности о личности миссис Астор и тому подобное.

– Видите ли, дело в том, что...

– Никого это не волнует. Они просто хотят знать, во что были одеты люди, что они ели и сколько это стоило.

Она стукнула кулаком по столу.

– Сэр!

Он поднял голову, чтобы посмотреть на нее, без сомнения, ошеломленный ее дерзостью.

– Теперь послушайте, мисс ван ден Брук...

– Да будь прокляты эти Асторы! – заявила она. – У меня есть важная новость. Если мы будем действовать быстро, то сможем опередить остальные газеты.

– Что же такого срочного...

– Если вы согласны выслушать, я вам расскажу. Но сначала я хочу получить гарантии.

– Какого рода гарантии?

– Что вы позволите мне написать об этом.

– Что за новость?

– Она связана с убийством – зловещим и необычным. Тем самым, о котором будут говорить на первых полосах и размещать баннеры по всему городу, – у нее перехватило дыхание, она была взволнована и удивлена своей способностью думать о бедной покойнице как о трамплине для собственного карьерного успеха.

– Баннеры? – с сомнением произнес он.

– Ну, на первых полосах говорить точно будут.

– Расскажите мне об этом.
– Сначала я хочу получить от вас обещание.
– Кто обнаружил тело?
– Я. Но прежде чем я скажу вам что-нибудь еще, пожалуйста, дайте мне обещание.
– В «Геральд» нет женщин-репортеров в области криминалистики – да и в любой другой газете, о которой я знаю, если уж на то пошло.
– Значит, я буду первой.
– Я должен получить одобрение от мистера Беннетта.
– У нас нет времени. Пока мы разговариваем, «Таймс» или «Сан» могут уже работать над этой новостью. Или, быть может, даже «Штатс-цайтунг», – добавила она с легкой улыбкой. Он нахмурился при упоминании своего бывшего места работы.
– *Guter Gott*²¹. Как мне объяснить это мистеру Беннетту?
– Ну, для этого нужна лишь капля мужества, мистер Шустер. *Haben Sie keinen Mut?*²²
Он глубоко вздохнул и провел рукой по своей неопрятной копне светлых волос.
– Следуйте за мной, – сказал он, с удивительной скоростью поднимая свое грузное тело со стула.

С колотящимся сердцем Элизабет последовала за ним по коридору к столу криминального редактора. Кеннет Фергюсон, известный своей бестактностью и быстрой манерой речи, обладал сильным акцентом, который у нее ассоциировался с городами Бруклин и Глазго, откуда были его корни. Он работал в газете с начала правления Гордона Беннетта-младшего и был достаточно импульсивным и эксцентричным редактором. Он был довольно невысокого роста, с четко очерченными чертами лица, длинным клювовидным носом с острым, как лезвие, кончиком и темными, глубоко посаженными глазами. У него были длинные, густые каштановые волосы с пробором посередине, а в зубах он постоянно держал незажженную, наполовину изжеванную сигару. Он не сидел на месте, постоянно двигаясь, словно находился в кинетическом фильме, отчего его миниатюрное тело было достаточно жилистым, как у бегуна на длинные дистанции.

– Шустер! – воскликнул он, увидев Карла и Элизабет. – Что привело тебя в наше маленькое воровское логово? – В его замечании была правда – некоторые из репортеров, которые работали на него, были не так уж далеки от преступников, о которых они писали. Ходили слухи, что один из них убил человека в Кентукки.

Шустер терпеливо повторил все, что рассказала ему Элизабет. Закончив, Фергюсон вынул сигару изо рта и оглядел Элизабет с ног до головы.

– Что ж, ладно. А у вас есть наглость, юная леди. Значит, писать о высшем обществе уже не так увлекательно?

Элизабет ответила на его пристальный взгляд.

– Кровь больше будоражит льва, чем зайца.

– Ха! Цитируете Шекспира? Превосходно! Она мне нравится, – сказал он Шустеру, который мрачно кивнул. Сунув сигару обратно в рот, Фергюсон повернулся к Элизабет. – Что ж, поскольку вы, похоже, являетесь поклонницей Барда²³, позвольте мне сказать, что он лишь отважная блоха, которая осмелилась есть свой завтрак из львиной пасти. Неужели вы добиваетесь того же? Чувства опасности, возбуждения?

– Правосудия, – ответила она. – Я добиваюсь справедливости. Если для этого мне придется залезть в пасть льву, то так тому и быть.

– Ха! А она пылкая молодая леди, – сказал он Шустеру.

²¹ О мой бог (нем.).

²² Есть ли оно у вас? (нем.)

²³ Великий Бард – прозвище, данное Шекспиру в XVIII веке.

– Значит, мы договорились? – спросила она.

Он ухмыльнулся, сигара опасно болталась у него в зубах.

– Было бы невежливо отказывать такой стойкой и решительной молодой девушке, как вы. Но только при условии, что история действительно окажется столь достойной освещения в прессе, как вы утверждаете.

– Могу заверить, что я не обманула вас на этот счет, – сказала она и рассказала им обо всем, что они с Карлоттой видели.

Глаза Карла Шустера расширялись с каждым поворотом истории, однако Фергюсон никак не отреагировал. Скрестив руки на груди и склонив голову набок, он внимательно вслушивался в каждое слово. Когда она закончила, двое мужчин обменялись взглядами.

– Это действительно дельная история, – сказал Фергюсон. – Как звали того сержанта-детектива?

– Уильям О’Грейди из двадцать третьего округа. Участок находится на углу 6-й Ист-стрит и Четвертой авеню.

Карл Шустер перенес вес тела на одну ногу.

– Вы меня извините, но мне нужно заняться работой.

– Конечно, – сказал Фергюсон. – Хорошего дня, Шустер.

– И вам. Удачи, – добавил он, взглянув на Элизабет.

– Вы опубликуете мою статью об Асторах? – спросила она его.

– Мы добавим некоторые изменения и опубликуем ее в завтрашнем выпуске.

– Вы требуете, чтобы я...

– Я сделаю все возможное, чтобы внести в нее соответствующие поправки.

Когда Шустер ушел, Кеннет Фергюсон энергично потер руки.

– Итак, мне нужно отправить телеграмму мистеру Беннетту, и, если он согласится, мы поместим вашу новость на первую полосу завтрашней газеты.

Джеймс Гордон Беннетт-младший проводил большую часть своего времени в Париже, где работал над основанием международного отделения «Геральд». Однако широко распространено мнение, что он бежал в Европу из-за скандала, связанного с его невестой – светской львицей Кэролайн Мэй, в 1877 году. По слухам, он опоздал на вечеринку в особняк ее семьи и прибыл туда пьяным, а после отправился справлять нужду в камин. (Некоторые утверждали, что это был рояль.) Но где бы ни был расположен его импровизированный туалет, помолвка была расторгнута, и вскоре после этого Беннетт уехал в Европу.

– Прежде чем мы продолжим, – начал Фергюсон, – я должен напомнить вам, что еще не поздно изменить свое мнение.

– Почему я должна менять его?

Он вытащил окурок сигары и уселся на край своего стола, скрестив руки на груди.

– Вероятно, мысль стать криминальным репортером кажется вам захватывающей, но я считаю своим долгом предупредить, что это может оказаться совсем не тем, на что вы рассчитывали. И, возможно, это не та профессия, которая прекрасно подходит таким юным леди, как вы.

– Мистер Фергюсон, – медленно произнесла она, – я не сомневаюсь, что у вас добрые намерения. И под «такими юными леди, как вы», я полагаю, вы имеете в виду мое привилегированное происхождение и довольно безмятежную жизнь.

– Ну, вы же...

– Это правда, что за двадцать два года жизни я испытывала мало трудностей. Но я воочию убедилась в ошеломляющем неравенстве в Нью-Йорке – как и любой, кто потрудился открыть глаза и увидеть, на что на самом деле похожа жизнь в этом городе. Будучи дочерью судьи, я выросла с убеждением, что необходимо противостоять несправедливости. Если я могу внести

хотя бы малую лепту в то, чтобы сделать город более безопасным местом для притесненных, то я считаю это своим долгом.

– Я понимаю вашу точку зрения, и я ожидал такого ответа. Но я счел своим долгом предупредить вас.

– Теперь, когда вы выполнили свой долг, можем мы продолжить?

– Хорошо. Вы можете начать писать свою историю. Обязательно укажите собственную роль в этом деле – читателям будет интересен рассказ от первого лица.

– Как я...

– Просто расскажите им, что произошло. Постарайтесь заставить их почувствовать, что они находились в тот момент с вами, – он достал из жилета карманные часы. – А теперь я должен зайти к А Кену, пока он не закрылся на обед.

А Кен был китайцем, который держал пользующийся большой популярностью табачный магазин на Парк-Роу. Элизабет много раз проходила мимо этого заведения, и у мистера Кена всегда были клиенты, отчасти из-за его большого и разнообразного инвентаря. Но его жизнерадостный характер и неизменное хорошее настроение тоже сыграли свою роль. Многие китайские иммигранты относились к белым жителям Нью-Йорка с вполне обоснованным подозрением, но дружелюбные манеры А Кена и остроумные замечания сделали его кем-то вроде знаменитости как для местных жителей, так и для туристов.

Без дальнейших комментариев Фергюсон выбежал из офиса. Элизабет вернулась к своему столу, держа в руке карандаш и лист чистой белой бумаги. Группа репортеров безучастно уставились на нее. За окном дождь перешел в мелкую морось, но ветер все еще хлестал лодки на Ист-Ривер. Она смотрела, как изящно спроектированная шхуна прокладывает себе путь на юг, направляясь в Нью-Йоркскую гавань, ветер сильно бил в ее паруса. Бруклинский паром, пытаясь, направлялся на восток, темные клубы дыма поднимались над его длинной черной трубой, напоминающие угли на фоне серого неба. Она подумала об Уолте Уитмене²⁴ и о множестве душ на борту этого судна – о своих соотечественниках и согражданах.

От мысли о том, что она несет ответственность за этот заголовок на первой полосе, у нее закружилась голова. Она остро ощущала тиканье искусно вырезанных настенных часов с римскими цифрами прямо над своим столом. *Тик-так, тик-так*. Она чувствовала, как ускользают минуты, а вместе с ними и ее шанс на то, чего она хотела больше всего на свете. Она опустила взгляд на чистый лист бумаги. *«Постарайтесь заставить их почувствовать, что они находились в тот момент с вами»*. Она глубоко вздохнула и склонилась над своим столом.

Мумия за музеем

Если бы не любопытство маленького пятнистого терьера, тело женщины в Центральном парке могло бы подвергнуться дополнительному унижению – промокнуть под ливнем. Как бы то ни было, кто-то счел нужным завернуть ее в белую ткань, прежде чем опустить в большую яму, вырытую для египетского обелиска, известного как Игла Клеопатры. Кто виновен в ее безвременной кончине – это еще предстоит определить, тем не менее отвратительное обращение с ее телом не оставляет сомнений в том, что в нашем городе на свободе разгуливает монстр. Возможно, для него это некое шоу, и если это правда так, то оно ужасно извращенное.

²⁴ Американский поэт и публицист, его мать была беженкой из Голландии, а у отца имелись английские корни.

Она отдавала себе отчет в том, что ее статья написана чересчур кардинально, но также знала, что выделение мрачных элементов истории поспособствует хорошей продаже газеты. Полчаса спустя, когда Кеннет Фергюсон вернулся, она все еще яростно строчила.

Шагнув к ней, он оперся одной рукой о ее стол и торжествующе улыбнулся.

– Мне потребовалось немало времени, чтобы убедить мистера Беннетта. Но когда он узнал, что вы обнаружили тело... что ж, он достаточно хороший репортер, чтобы понять, стоящий ли материал.

То, что он мог говорить об их начальнике с такой снисходительностью, говорило о его высочайшей уверенности в себе. Она еще не встречала мужчину с таким непоколебимым самонадеянством.

– Итак, – начал он, – что вы написали?

– Я еще не закончила, сэр.

– Давайте посмотрим, что у вас есть на данный момент.

– Но...

– Вы уже написали статью на целый лист?

– Да.

– Позвольте посмотреть, нам нельзя терять ни минуты.

Она протянула ему то, что написала. Тонкие волоски на затылке покрылись испариной, пока она смотрела, как он читает, по-прежнему держа в зубах окурки сигары. Элизабет стало интересно, использует ли он один и тот же изо дня в день, храня его в коробке на своем столе.

– Хм, очень даже хорошо, – сказал он спустя, как казалось, вечность, хотя на деле прошло всего несколько минут. – Вы не лишены таланта, мисс ван ден Брук. О, полагаю, мистер Беннетт знаком с вашим отцом?

– Да, сэр, знаком.

– Держу пари, это только поспособствовало вашей работе. Что ж, тогда, – сказал он, щелкнув пальцами, – вам пора идти.

– Прошу прощения, сэр? Куда идти?

– Разузнать оставшуюся часть истории. Кто жертва, есть ли подозреваемые и так далее. Тот сержант О'Грейди – он же вас теперь знает?

– Детектив-сержант О'Грейди, и да, сэр, знает.

– Скажите ему, что наши читатели заслуживают того, чтобы знать, на свободе ли этот сумасшедший. И что это вопрос общественной безопасности – и так далее, и тому подобное.

– А если ему все равно?

– Примените свои уловки. Используйте свое женское обаяние. Ни один мужчина не останется равнодушным к мольбам красивой женщины – по крайней мере, ненадолго.

Он сказал это таким сухим, безличным тоном, что Элизабет не почувствовала, будто у него были на нее какие-то виды. Это было лишь объективное оценивание. Несмотря на его острый ум и импульсивность, в Кеннете Фергюсоне было что-то безжизненное. Он был похож на охотничью собаку, идущую по следу и занятую своим делом, и ничто не могло отвлечь его от цели. Она боялась – и надеялась, – что и сама немного была такой.

– Возьмите с собой юного Фредди. Он не самый опытный наш фотограф, но он полон энтузиазма и проявил определенные способности.

– Фредди Эванс?

– Так вы его знаете?

– Да.

– И вы с ним ладите?

– Да, сэр.

– Тогда чего же вы ждете?

– А что насчет моей статьи, сэр?

– Я закончу ее сам.

– Но...

– Никаких «но», вы сделали самую трудную часть. Я только немного приведу ее в порядок и добавлю все недостающие фрагменты информации. И не беспокойтесь – ваше имя появится первым в заголовке.

– Это очень великодушно с вашей стороны, сэр.

– Чепуха. Так поступают все добросовестные коллеги. Не стоит подставлять людей – рано или поздно это обернется против вас.

– Хорошо сказано, сэр, – сказала Элизабет, но он уже переключил свое внимание на что-то другое. Сунув блокнот в сумку, она вышла из офиса, чтобы найти Фредди. Она чувствовала на себе взгляды, пока торопливо шла по коридору. Девушка обернулась и увидела Саймона Снида, пристально глядящего на нее с такой злобой, что ее накрыла волна головокружения. Глубоко втянув воздух, она ответила ему таким стальным взглядом, на какой только была способна, прежде чем продолжить свой путь. Несмотря на свою уверенную походку, она знала, что, если бы можно было убить взглядом, она бы уже была мертва.

Глава 12

Возможно, показателем беззаботной жизни Элизабет было то, что она никогда раньше не бывала в полицейском участке. Когда она вошла в прочное каменное здание на 68-й Ист-стрит, то оказалась не готова к тому темпу работы, с которым столкнулась. Патрульные сновали туда-сюда, заряженные общим делом и преисполненные чувством собственной важности. Постоянное шарканье кожаных подошв по полированному полу напомнило ей о поездках через Центральный вокзал, когда она садилась на поезд до Вассара и обратно.

На темно-синей форме у всех служащих были золотые пуговицы, расположенные в один или два ряда на задней вставке кителей длиной до колен. Воротники или манжеты украшали блестящие латунные пуговицы, которые соответствовали начищенным значкам, носимым на сердцах полицейских. И у всех были одинаковые усы, по крайней мере, так казалось. Густые и пушистые, подстриженные чуть выше верхней губы, что усиливало впечатление единообразия.

Пока Элизабет стояла среди шума и суеты, к ней подошел сержант О'Грейди. В отличие от коллег, у него не было растительности на лице, и вид его гладко выбритого лица успокаивал.

– Добрый день, мисс ван ден Брук, – сказал он, приподнимая шляпу с широким плоским верхом и жесткими кожаными полями. Некоторые из патрульных были одеты в более объемистые шлемы, украшенные медными знаками отличия.

– Здесь всегда такой хаос? – спросила она, довольная тем, что он запомнил ее имя.

– Боюсь, вы прибыли во время пересменки. Скоро все должно утихомириться.

Элизабет огляделась в поисках Фредди Эванса. Он шел прямо за ней, когда она зашла в участок, но куда-то исчез.

– Странно, – пробормотала она. – Где он... – И в этот момент входная дверь распахнулась, и вошел Фредди, запыхавшийся, сжимая в одной руке фотоаппарат, а под мышкой – громоздкий штатив. – Вот ты где, – сказала она. – Что с тобой случилось?

– Извините, мисс, – сказал он, тяжело дыша. – Я увидел потрясающий кадр, когда мы входили. Я окликнул вас, но вы меня не услышали.

О'Грейди нахмурился при виде коренастого фотографа с веснушчатым лицом и акцентом кокни.

– И кто же это?

– Это Фредди Эванс, штатный фотограф газеты «Геральд».

– И зачем вы взяли с собой мистера Фредди Эванса, штатного фотографа? Если уж на то пошло, чему я обязан вашим присутствием здесь?

- Я думала, это очевидно, – сказала она, краснея. – Именно я обнаружила тело...
- Не здесь, – сказал он, нервно оглядываясь по сторонам. – Пойдемте со мной.

Элизабет и Фредди последовали за О'Грейди в угловую комнату, расположенную в задней части полицейского участка, которая использовалась как складское помещение. Вдоль одной стены были сложены коробки с бумагой и печатными бланками; перед ними стояло несколько сломанных стульев и письменный стол без ножки. В углу валялась сломанная дубинка. Она содрогнулась, представив хруст костей под тяжелыми ударами, проломленные черепа и другие ужасные травмы. Она достаточно насмотрелась на поведение полицейских, чтобы понимать, что ее фантазии не были совсем уж безрассудными.

Если не считать незажженного газового настенного бра, единственным источником света в комнате было маленькое окно. Тусклый летний солнечный свет проникал сквозь грязное стекло, погружая комнату в серый полумрак. О'Грейди, казалось, был рад относительной темноте, когда закрывал за ними дверь.

- Значит, он знает о... теле? – спросил О'Грейди, указывая на Фредди.
- Я объяснила ему это по дороге сюда. Почему вы спрашиваете?
- Как много вы знаете?
- Только то, что видела в парке.

О'Грейди закусил губу и перевел взгляд с Элизабет на Фредди.

- Дело в том, что... это очень странный случай. Не похож ни на что, что я видел прежде.
- В этом нет ничего удивительного.
- Преступник явно неуравновешенный.
- Мне кажется, что любой, кто стал бы заворачивать мертвую женщину, как мумию...
- Нет, это еще не все.
- Не все? – спросила она, внезапно осознав, насколько душно в комнате, воздух пыльный и спертый. – Что вы имеете в виду? – прохрипела она, у нее внезапно пересохло в горле.

О'Грейди посмотрел на Фредди.

- Ему можно доверять?
- Детектив-сержант О'Грейди, я здесь как представитель «Геральда», как и Фредди. Так что можете говорить все, что пожелаете нужным...

О'Грейди снял фуражку и провел рукой по своим волнистым черным волосам. Элизабет не смогла подавить дрожь удовольствия при виде его пышных локонов.

- Видите ли, только что пришел отчет из офиса коронера.
- Была ли установлена причина смерти?
- Были признаки удушения, но она умерла не от этого.
- Тогда... от чего она умерла? – спросил Фредди едва слышным голосом.
- О'Грейди скрестил руки на груди, словно защищаясь от их реакции.
- Обескровливание.

И без того бледное лицо Фредди стало еще блее. Он с трудом сглотнул, его кадык запрыгал вверх-вниз, как поплавок.

- Значит...

О'Грейди пристально посмотрел на молодого человека.

- Кто-то выкачал из нее всю кровь.

Фредди ахнул.

Элизабет сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

- Логично ли предположить, что тот же человек, который это сделал, также завернул ее и оставил тело там, где мы его нашли?

Она произнесла эти слова без каких-либо эмоций, отчего О'Грейди уставился на нее, словно пораженный ее холодностью. По правде говоря, ситуация глубоко затронула ее, но как

репортер – и к тому же женщина – она хотела создать впечатление профессионала, который, как она надеялась, заслуживает его уважения.

– Да, – медленно произнес О'Грейди, – если только у него не было сообщника.

– Вы опознали эту женщину?

– Нет. Под тканью она была... увы, обнаженная. Прошу прощения, мисс, – сказал он, и румянец залил его щеки.

– Кто-нибудь из них уже знает об этом? – спросила она, кивнув в сторону закрытой двери, по другую сторону которой находились полицейские из 23-го отделения.

– Никто не знает, кроме меня и капитана. Но в данный момент его нет в участке.

– Я хотела бы увидеть тело.

– У меня нет полномочий...

– Вы только что сказали мне, что вашего капитана нет на месте.

– Да, но...

– Вы главный следователь, не так ли?

О'Грейди грыз ноготь большого пальца, уставившись в пол.

– Не знаю, стоит ли...

– Дело вот в чем, детектив, – начала Элизабет, – для того чтобы раскрыть преступление, вам нужно установить личность вашей жертвы. Что может быть лучше, чем поместить ее фотографию на первой странице «Геральд»?

– Но...

– Хочу напомнить вам, что именно я обнаружила тело и незамедлительно довела данное происшествие до вашего сведения. Я могла бы сначала связаться со своим редактором, но сразу же обратилась к вам, – она заявила об этом смело, хотя и признавала, что ее доводы ложны. К тому времени, когда она предупредила «Геральд», кто-то еще мог наткнуться на тело, но она надеялась, что сержанту О'Грейди это не придет в голову.

– Все верно, вы так и сделали, – сказал он. – Но что касается осмотра тела, возможно, мне лучше подождать капитана...

– У нас нет времени, чтобы тратить его впустую. Статья в «Геральд» поступит в печать менее чем через два часа. Обещаю вам, Фредди сделает фотографии на высшем уровне... Верно, Фредди?

Он нетерпеливо кивнул.

– Помогите мне, Господи.

– Вы должны защитить общественность от этого монстра, – продолжила Элизабет. – Позвольте нам помочь вам, пожалуйста. «Геральд» всегда тесно сотрудничал с департаментом полиции, – это была наглая ложь, и подобное нельзя было сказать ни об одной газете в городе. Но она надеялась, что сама смелость поможет ей проскользнуть мимо.

Раздался стук в дверь.

– В чем дело? – рявкнул детектив. Дверь приоткрылась, и показалось гладковыбритое розоватое лицо высокого, очень молодого полицейского. – Да, Дженкинс? – нетерпеливо спросил О'Грейди.

– Прошу прощения, сэр, но я просто хотел спросить, не хотите ли вы чаю.

Элизабет достаточно часто слышала от своего отца, что мужчины в полиции предпочитают виски, пиво, чай и кофе именно в таком порядке. В крайнем случае они пили джин, ром или сидр – и даже зерновой спирт, если уж на то пошло. Но большинство полицейских зарабатывали достаточно, чтобы можно было не посещать бары или ночлежки, где подают алкоголь, от которого портятся кишки или даже наступает слепота.

– Я сейчас выйду, Дженкинс, – сказал О'Грейди. – Закрой за собой дверь.

Элизабет воспользовалась возможностью, чтобы настоять на своем.

– Ну что, детектив? – спросила она, делая шаг ближе к нему. – Что скажете? Вы позволите нам помочь вам привлечь убийцу к ответственности?

Детектив снова провел рукой по волосам и вздохнул.

– Думаю, это не повредит.

– Вот это правильный настрой! – воскликнула Элизабет. – Вы не пожалеете об этом.

– Надеюсь, вы правы, мисс, – с сомнением сказал он. Он протянул ей визитную карточку.

Детектив-сержант Уильям О'Грейди

23-е отделение, 86-я Ист-стрит

Город Нью-Йорк

Ее внимание привлекло старомодное написание названия города, когда она засовывала карточку в карман своего приталенного жакета.

– Попросите о встрече с Виком Новаком – сокращенно от Виктор. Он поляк, но хороший человек. Если вам повезет, то в морге будет его смена. Передайте ему мою визитку и скажите, что вас к нему направил я.

– Премного благодарна, детектив, – сказала Элизабет. Она поспешила из полицейского участка, за ней последовал Фредди Эванс, тащивший свое громоздкое оборудование. Она не оглядывалась, словно, сделав это, она могла превратиться в камень.

Глава 13

Городской морг располагался на территории больницы Белвью, с которой Элизабет была хорошо знакома, поскольку часто посещала свою сестру. Однако даже этот факт не прибавил ей желания посетить это ужасное место. Дождь прекратился, но улицы были мокрые. Пока Фредди тащил за собой оборудование для фотоаппарата, она поймала кеб, пообещав заплатить извозчику большие чаевые, если он быстро доберется до Белвью. Он принял ее предложение и начал пробираться сквозь поток машин на Второй авеню, проносясь по перекресткам, мимо трамваев, продавцов старья и торговых тележек, пугая пешеходов громким свистом. Похоже, он остался вполне доволен суммой, которую ему заплатила Элизабет. На прощание мужчина приподнял шляпу, прежде чем ударить длинным кнутом своего мерина, подгоняя его бежать быстрой рысью вверх по Первой авеню.

Пока Элизабет стояла перед главным зданием с красивым кирпичным фасадом, остроконечными мансардными крышами и причудливыми башенками, ей не в первый раз пришлось в голову, что оно больше напоминает сказочный замок, чем больницу. Ее взгляд скользнул по северному крылу – недавно построенному для «душевнобольных», – где лежала ее сестра. Она не навещала Лору уже несколько дней, но ее чувство долга было сильнее, чем привязанность к попавшей в беду сестре. Она не солгала, когда сказала сержанту О’Грейди, что статья поступит в печать через несколько часов, и хотела включить фотографию таинственной мумии в свой рассказ.

– Вы же знаете, где находится морг? – спросил Фредди, следуя за ней в здание со штативом на одном плече и камерой в другой руке.

– Не знаю, но такую информацию легко раздобыть.

Пожилая медсестра, чье лицо, казалось, было накрахмалено вместе с ее униформой, с сомнением посмотрела на них, когда Элизабет задала вопрос. Женщина указала им на полутемный узкий коридор, ведущий в заднюю часть здания. Они миновали отделение скорой помощи, где увидели две повозки, запряженные лошадьми, похожие на те, которые полиция использовала для перевозки подозреваемых и преступников. На боку каждой кареты трафаретом было написано «Больница Белвью». Навещая свою сестру, Элизабет узнала, что госпиталь Белвью был первым, кто начал использовать кареты скорой помощи. Это было детище одного из штабных хирургов во время Гражданской войны, который в 1869 году придумал такой метод для транспортировки раненых с поля боя в многолюдном городе.

Морг, хотя и был небольшим, хорошо проветривался и освещался благодаря высоким окнам, расположенным вдоль одной из стен. Освещение дополняли газовые настенные бра. У одной стены стояло полдюжины металлических столов, на каждом из которых лежал недавно умерший человек. Над каждым столом, подвешенная к потолку, висела металлическая водопроводная труба, из которой на трупы постоянно лилась холодная вода. Каждый из них был завернут в длинную белую простыню, скрывая их наготу ради приличия. Элизабет предположила, что одежда, висевшая на стенных крючках позади них, предназначалась для покойников.

Виктор Новак действительно находился на дежурстве, но он был не один. Группа хорошо одетых людей склонилась над бледной фигурой молодой женщины. Красивая женщина средних лет, которую Элизабет приняла за мать покойной, безутешно плакала, заламывая руки, в то время как маленький мальчик неловко стоял рядом с состоятельным мужчиной в цилиндре и с бакенбардами. На его аристократическом лице застыло выражение стоического страдания. Было ясно, что он являлся патриархом семейства. Казалось неприличным быть свидетелем их горя. Элизабет чувствовала себя крайне неловко, и, судя по тому, как Фредди переминался с ноги на ногу, он чувствовал то же самое.

Однако Виктор Новак, по всей видимости, не испытывал подобных угрызений совести. Хотя на его круглом лице застыло выражение сострадания и терпеливости, Элизабет не могла не заметить, что он притопывает левой ногой, поглаживая свою жидкую светлую бородку. Члены семьи покойной оплакивали ее еще некоторое время, прежде чем наконец закончили свое бдение, чтобы оставить любимого человека на попечение мистера Новака.

Уходя, глава семьи вложил несколько монет в руку служащего морга, и Новак почтительно поклонился. Элизабет достала из сумочки немного денег, подумав, что, возможно, ей следует дать чаевые, прежде чем просить его о помощи.

– Увы, смерть приходит ко всем, – довольно весело сказал мистер Новак после ухода семьи, убирая в карман только что полученные монеты. – И все же жаль – такая молодая и такая хорошенькая. Итак, мисс, – сказал он, поворачиваясь к Элизабет, – чем могу быть полезен? – Хоть у него и был легкий польский акцент, тем не менее его английский был безупречен. Он был среднего роста, худощавого телосложения, с жизнерадостным круглым лицом, необычайно бледными глазами, пыльно-светлыми волосами, бровями и бородой. На нем был мешковатый костюм горчичного цвета с жилетом и галстуком в тон; шляпа-котелок лихо сидела у него на голове.

– Меня зовут Элизабет ван ден Брук, а это – Фредди Эванс.

– Приятно познакомиться, – сказал Фредди, приподнимая свою кепку.

– Виктор Новак. Рад встрече с вами. Добро пожаловать в мое маленькое королевство.

– Могу я задать вопрос? – спросил Фредди. – Зачем здесь вода? – спросил он, указывая на брызги, летящие из труб, подвешенных на потолок.

– О, это для того, чтобы тела оставались как можно более свежими, пока они здесь. Остальные лежат в том холодном помещении, – сказал Новак, указывая на вход в другую камеру. – Туда приходят люди, чтобы посмотреть на своих недавно умерших близких, поскольку тела, как правило, начинают разлагаться под воздействием тепла. Отсюда и холодная вода – хотя через день или два они начинают раздуваться из-за нее. Я стараюсь не держать их здесь долго. Кстати, об этом, извините меня, но мне нужно отойти на минутку, – сказал он, выходя в коридор.

Через несколько минут он вернулся с другим мужчиной, одетым в белый халат, похожий на те, что носят врачи в больнице.

– Это мистер Бенджамин Хиггинс – санитар больницы и превосходный возничий «скорой помощи». И, когда у него бывает время, – мой верный помощник. А это мисс ван ден Брук и мистер Эванс.

Хиггинс приподнял шляпу. Он был довольно высокого роста, выше среднего, со светлой кожей, широкими плечами и массивным телом. Его глаза казались слишком маленькими в соотношении с его большой головой, однако черты его лица были приятными и выглядели непримечательно на фоне светло-каштановых волос.

– Рад познакомиться с вами обоими.

– Взаимно, – ответил Фредди.

– Вы пришли сфотографировать мертвых? – У него был высокий голос, Элизабет не ожидала услышать его из уст такого крупного, сильного на вид мужчины. У него был акцент рабочего класса, хотя и с нотками, свидетельствовавшими о некотором образовании. По его глазам можно было сказать, что он весьма умен.

– Не совсем, – сказал Фредди. – Мы...

– Простите меня, – перебил Новак, – но время мистера Хиггинса весьма ценно.

Веснушчатое лицо Фредди покраснело.

– Все в порядке... я понимаю.

Служащий морга повернулся к своему коллеге:

– Мистер Хиггинс, если вы будете так любезны перевезти мисс Уэллс в соседнюю комнату, я был бы вам очень признателен. Не думаю, что она сейчас в *хорошем* состоянии, – добавил он почти вполголоса. – Я понимаю, – сказал он в ответ на удивленный взгляд Элизабет. – Это звучит ужасно, но я не могу научиться контролировать себя.

Он вздохнул, когда мистер Хиггинс осторожно поднял мертвую женщину со стола, обернув ее простыней, чтобы не показать ничего неприличного.

– Смерть – очень тяжелый случай... ну вот я снова начинаю, видите? – Он сделал шаг в сторону, пропуская Хиггинса с мисс Уэллс на руках. Итак, – сказал он, поворачиваясь к Элизабет, – чем я могу помочь?

Она протянула ему визитку, которую ей дал сержант О'Грейди.

– Значит, детектив О'Грейди послал вас ко мне?

– Он передавал свои наилучшие пожелания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.